

10-го июня 1929 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

37

10-го червня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. БУТИНСКИЙ

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. *Любовь Самсонова: Angelus.* Стихи.
  2. *Константин Поляков: Матери казачке.* Стихи.
  3. *Лак (А. — Г. К.): Седому Дону.* Стихи.
  4. *Санжа Балыков: Смерть.*
  5. *П. Крюков: Казачий сполох.* Стихи.
  6. *Я. Лопух: * * ** Стихи.
  7. *Микола Оверкович: * * ** Стихи.
  8. *Ф. Полковников: Иван Иванович Гвоздев.*
  9. *Олександр Півень: Слава козача не вмере — не загине!*
10. Далекий и старый призыв.
  11. *Т. Игнатович: Казачество и горский вопрос.*
  12. *Инж. В. Бейсуг: Казачество и русские партии.*
  13. *М. Б. Нарбеков: „Степняки“ — партизаны.*
  14. *О. Долинский: По поводу юбилейных торжеств в Болгарии.*
  15. *Д-р С. Федоров: К 100-ю конца второй Запорожской эмиграции.*
  17. Международная жизнь.
  18. В СССР.
  18. Казачья эмиграция.
  19. В Казачьих Землях.

П О Ч Т О В Ы Й Я Щ И К

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Бразилия. — С. С. — Листа і вірші одержали. Годяться. Думка про видавництво і у нас є. Але потрібні „можности“. Може й будуть, коли у нас буде бажання найти їх, а по між нами — згода. Вітаємо Вас на далекий чужині!

Београд. — В. К. — Письмо и „Кл...“ получены. Желаем сил и успеха... Привет!

Югославия. — А. Г. — Получено. Ответ будет письмом. Привет!

Париж. — Н. — Все получено. Привет!

Орловат. — Г. А. — Присланная фотография джигитов получена. Подойдет. Привет.

Югославия. — Г. М. — Добре! Дякую за добре слово.

София. — П. Н. — Получено все. Ответ — письмом. Привет!

Румыния. — В. П. — „Горе и грех...“ получено. Письмо — тоже. Ответ будет. Привет!

Париж. — Д. В. — Ваш рассказ и письмо получены. Ответ письмом. Привет!

Париж. — А. М. — Конечно, пошлем. Привет!

Болгария. — И. Е. — „Письма“ получены. Привет! Югославия. — Х. У. — Подписную плату просим направлять через нашего представителя в Белграде.

Болгария. — Я. Л. — Получено. Ответ — письмом. Привет!

Польша. — Б. Ф. — Почуете в свій час. Вітаємо.

Франция. — И. С. — Деньги, присланные Вами на постройку буддийского храма, переданы по назначению. Спасибо. Привет!

Далмация. — В. К. — „Дум“ не присылайте — уже имеем. Об остальном — в письме. Привет!

Рим. — Н. П. — Переслано.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Р У М Ы Н И И

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В Ю Г О С Л А В И И

Б. А. Кундюцков.

Београд, Кочина ул., 1.

В Б О Л Г А Р И И

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В Б Е Л Ъ Г И И И Л Ю К С Е М Б У Р Г Е

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13

Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин

F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Редакция ж. „В. К.“ просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 37

Прага, понедельник 10-го июня 1929 г.

№ 37

Любовь Самсонова.
(Прага).

ANGELUS.

К открытому окну сажусь...
Кладу на белые страницы руки...
В вечернем воздухе прозрачно тают звуки
И тихой молитвой льется Angelus.
Еще закат горит огнем,
И розово цветенье вишен,
И сладкий Angelus еще яснее слышен,
Вечерней ясностью в себе отображен.
Миг легкого нетленного конца,
Миг догоранья и исхода...
Спокойною рекой течет дорога
У моего замшелого крыльца.
Отумиранье дня, печально сладкий трепет,
Слиянье двух начал, жемчужно серый час,
К слиянью звезд, не поднимая глаз,
Я слушаю веселый детский лепет.
Вот пропылили детские ножонки,
Срывая звонким криком тишь...
Туман, цепляясь за сухой камыш,
Белеет над прудом болотной женкой.
Плетет болотница струящийся покров,
С заботой кутает прибрежные ракиты,
Дымок из труб встает, спиралью свитый,
И сладко тянет от жасминовых кустов.
Повиснет месяц в вышине серпом двурогим,
Прозрачно сонная наступит тишина...
Гляжу на тихий мир из своего окна
И слышу зов таинственный дороги.
Твой зов в вечерний час неодолим —
Край, далеко за гранями лежащий, —
Твой зов летит ко мне струной дрожащей,
Несчетно раз душою повторим.

Последней, чистой ноткою доносится молитва, —
Хрустальный, меднозвонкий Angelus,
К чужому Божеству коленями клонюсь
И с медным голосом мои моления слитны.
Молюсь за тех, кто в этот тихий час,
Минуту перед сном замедля на пороге,
Свой бросит скорбный взор к дороге,
Слезой стынувший за нас.
Кто склонится, чтоб пожалеть седины,
Кто руки дряхлые с любовью облегчит?..
Пустынную дорогу месяц серебрит,
И тень не отразит вернувшегося сына.
Но, ночь молчит и согнутые плечи
Несут под крышу смертную печаль.
Суровой хмурится степная даль
И в ночь слезами утекает вечер.
Бежит под звездным небом Путь,
Но, ноги тяжелей гранита...
И ширится печаль, слезами не избыта,
И долго от рыданий рвется грудь.
Нам тоже сроки отгадать не суждено,
Мы предсказать себе не можем встречи...
И робко жгутся у иконы свечи,
И сердце теплится, надеждой возжено.
Густеет мгла, теснятся тени...
Ночная сырость от воды...
Над ухом плачут комары...
Скрипят натруженно ступени.
Звенит закрытое окно,
Ночь никнет к стеклам темным ликом...
На чайнике цветном легли от лампы блики
И пар покрыл прозрачное стекло.

Константин Поляков.
(Прага).

МАТЕРИ КАЗАЧКЕ.

Кончаешь жизнь свою в святом углу
Пред старой, темною иконой,
Не покоряясь лжи и злу,
Кладешь ты мерные поклоны.

Глаза твои, бесцветные от слез,
Последний раз хотят увидеть сына
И бьет по сердцу старому вопрос:
Вернется? Иль навек покинул?

Я не забыл старуху мать свою
И песни те, что пела мне над зыбкой.
Наученный тобой, теперь тебе пою
То с болью грусти, то с улыбкой...

Я знаю, ты б отдала все,
Чтоб только видеть синь полков казачьих,
Всю мощь в руках детей, взведенное ружье
И лавы вольные в победном скаче.

Ну, потерпи, взойдет свободы солнце, —
В историю мы впишем дивный сказ,
Рукою бледною откроешь ты оконце,
Увидишь синий стяг, алеющий лампас.
6-V-29 г.

Лак... (А.—Г. К.)
(Брно)

СЕДОМУ ДОНУ.

... Была, ведь, и в прошлом слава:
Храбрый атаман Разин,
Сам Ермак, подобный урагану,
И беспримерный Каледин...

Дон седой течет уж долги лета.
Много вод в моря он влил...
Слышал вопли-стоны „Деда“,
Видел, как станицы враг палил.

Было так в далеком прошлом,
Повторилось в наши дни...
Может стать и в дни грядущи,
Коль не будут вновь — былые Ермаки...

Коль не будут дети Дона,
Сами править над собой...
Коль не будет Круга снова,
Покуда враг чинит разбой...

Гей молодцы!
Бросьте-ж раздоры и мелкие споры,
Враг ведь силен и могуч...
Шашка да пика и острые шпоры —
Это — единый Ваш путь!

Санжа Балыков. (Прага):

Смерть.

Шавель Адучов, здоровый, пожилой калмык, в одном нижнем белье, но в сапогах и полинялом казачьем картузе, сидел в своей кибитке на ширдыке перед кроватью и обедал.

Перед ним, на низеньком, всего на четверть возвышавшемся от земли, столике были: большая чашка жирной вареной баранины, маленький ломоть хлеба и большая луковица.

Как старозаветный калмык, Адучов хлеба употреблял мало, зато мяса мог съесть много и когда угодно.

После получасового медленного жевания, сопровождаемого усиленным сопением, чашка с мясом была опорожнена, лук исчез, остался нетронутым только хлеб.

Как только он кончил с мясом, жена поднесла ему почти такую же большую чашу холодного, пенистого, коровьего кумысу. Шавель медленно, видимо с наслаждением после жирного мяса, стал тянуть кумыс.

Только два раза он перевел дух и выпил весь.

Жена приняла чашки и, набрав в большую медную кружку воды, полила мужу на руки и подала ему грязноватый платок, висевший у нее на поясе.

Шавель, не спеша, вытер руки, вынул из голенища одного сапога кисет с трубкой и стал налаживать.

Из другого голенища вытащил кресало, высек огонь, закурил и, попыхивая дымом махорки, вышел отдохнуть в тени кибитки. Там, на разостланном белом ширдыке, сидела его дочь и что-то сосредоточенно вышивала.

— Иди, дочка, обедать с матерью, да вынеси мне прежде подушку; я здесь полежу — лениво промолвил он, опускаясь возле дочери. Та молча поднялась, пошла и принесла отцу подушку.

Обремененный сытным обедом, Шавель с трудом скинул сапоги, с удовольствием растянулся в тени и скоро заснул.

Тревожимый степными мухами, часто во сне перелетывался.

Проснулся он часа через три, когда тень кибитки

ушла дальше и его стало припекать предвечернее солнце.

Поднявшись, лениво почесываясь, он нащупал на себе пониже левой лопатки нитку и в тот же миг почувствовал под рукой боль.

Шавель побледнел. В него воткнулась иголка и во время сна успела погрузиться вся.

— Ой... смерть пришла, иголка пойдет дальше, дойдет до сердца, — пронеслось в его голове.

— Старуха!.. заорал он благим матом.

— Посмотри, что у меня на спине, кажется иголка воткнулась, — проговорил он в испуге прибежавшей жене.

Да, иголка и есть; подождите я вытяну за нитку...

— Нет, нет! не трогай, не вытянешь, порвешь нитку, тогда вовсе не найдешь иглу; к доктору нужно ехать в Чапраки — закричал Шавель.

— Проклятая дочка бросает иглы на постели, погубила отца; грей скорей старуха воду, буду мыть голову, менять белье, да пусть дочка седлает коня, сейчас же поскачу к доктору, — заторопил он жену.

Через десяток минут помыв голову, сменив белье и, выпив для храбрости две три чашки раки, Шавель сел на коня.

— Нет, сперва нужно проститься с родными; может оттуда и не вернуться; если игла дойдет до сердца, могу умереть и среди пути. Ах, мои дети, бедная ты моя старуха! ах мои лошади, мой скот, мои овцы, что с вами будет — говорил он утирая слезы. Смотря на его отчаяние, заплакала и жена, всплакнули и дети. Шавель поехал прощаться с родными.

— Милые мои родные, дорогие мои, прощайте; смерть мне пришла; простите меня, коли в чем провинился — говорил он, входя к каждому.

Родственники трогательно прощались и угощали его ракой.

Через час, два, Шавель уже был настолько п'ян, что не мог садиться на коня.

Пришлось его уложить спать.

Проснулся Шавель рано. Вспомнив про иглу, идущую к сердцу, и, сообразив, что еще никуда не поехал, он в ужасе вскочил и торопливо стал одеваться.

Но голова, после вчерашнего, так трещала, что невольно пришлось опохмелиться парой чашек согрелой раки.

Приказав оседлать коня, Шавель пошел забежать к родственникам, с которыми не успел проститься вчера. К обеду он вернулся опять пьяный, но ехать все же мог и стал собираться.

— Да вы полейте на голову холодной воды, освежитесь — сказала ему жена.

— Ладно, давай, — скомандовал Шавель, скидывая рубаху и подставляя голову.

Жена стала поливать.

Иголка уже совсем скрылась в теле, висела только нитка.

— Ты смотри, за нитку не дерни, порвешь — предупредил он.

В это время вбежал в кибитку его семилетний сын и, неожиданно дернув за нитку, вытащил иглолку.

Шавель испуганно крикнул, выругал мальчика и, как будто огорченно, замолчал.

Ехать к доктору стало незачем; смерть миновала. 1927 г.

*****

П. Крюков.
(Франция).

КАЗАЧИЙ СПОЛОХ.

Не буря гуляет над Доном;
Не ветер шумит в камышах,
Тревожный сполох перезвоном
Рыдает в казачьих сердцах.
С привольной степи долетая
За тридевять чуждых земель,
Зовет казаков он, рыдая,
Припомнить забытую цель...
Не звон колокольный тревогу
Забил по казачьим сердцам,
То совесть — забытому Богу
Зовет вновь возжечь фимиам.
Казачья воскресшая совесть
Зовет вспомнить старую цель,
Ту цель, про которую повесть
Шептала нам степь-колыбель.
Казак, позабыв про свободу
(Не ту, что желает кагал),
В чужбине, чужому народу
Кует золотой капитал.
Но, совесть — великое дело!
Как бурный, тревожный трезвон,
Зовет она прямо и смело
Припомнить родимый свой Дон.
Зовет она, нежно рыдая,
К далеким Донским берегам
И шепчет, и стонет, взывая:
— Казак! Твоя Родина — там!..
И чуткое сердце казачье
Вздригнуло во всех казаках:
— Так жить?.. Нет! Житье то собачье
Не скрасишь вином в кабаках!..
Пора и за дело!.. — А совесть,
Как бурный, тревожный трезвон,
Все шепчет родимую повесть:
— Казак! Твоя Родина — Дон!..

*****

Ф. Полковников. (Загреб).

Иван Иванович Гвоздев.

Странный они человек Иван Иванович! начал дядя Митяй. И счастье было у руках, а маху дали, и катают таперича ваганету денно и ночью, а были-бы у вароше*) найпервейшая личность. А дела была очинна абнакавенна, сказал он подлихивая щелки в костер, на котолром в котелке варился наш ужин.

*) варош — город.

Я. Лопух.
(Болгария).

* * *

Весна! Природа всюду оживает;
От зимнего покоя проснуться все спешит;
Земля наряд зеленый одевает;
Приветливей и ярче солнышко блестит.
Спешат на дальний север вереницы
Пернатых странников из теплых стран;
Туда ж летят и журавлей станицы,
Где ширь степей — родной наш край.
Везде и всюду все кругом ликует!
В полях, в лесах весенний тихий шум гудит.
Лишь эмигрант по родине тоскует,
По ней страдает он, и плачет, и грустит.

Микола Оверкович.
(Прага).

* * *

Весь час таїти в серці тугу
Й мовчати, бачучи погром
Отчизни, зносити наругу
Чужинців, шию під ярмом
Схиляти мовчки, й терпеливо
Нести тягар свого хреста,
В той час, як топче горделиво
Твій край ворожая п'ята,
В той час, коли святі руїни
Полляти кровію братів,
І воля й слава краю гине
Під глум і регіт ворогів,
Насильство і ганьбу терпіти —
Сумне призначення раба...
А ми ж, а ми — козацькі діти!
Хіба страшна нам боротьба?
Чи ж нам коритись, і безсилим
Стогнати мовчки під ярмом?
Ні! саму смерть здобути вільним,
Ніж волочить життя рабом...

к-у-д-ы-ы, здороваи, да ядренаи, джигиты были на удивление, бабы так прямо ими интирсивались. На што уж дивизионная енеральша-раскрасавица писаная, а не могла насупротив них устоять...

А так убили их ни за што у Карпатских дремучих лесах. Сынишка их тогда у кадетах были, и смалолетствия усе ученые книги читали и думку видать имели чи у дохтура, чи куда яшо выйтить... Но у дохтура не привел Бог — леварюция подошла, они туды-сюды и пошли у ахвицерья. Воевали, можно сказать, еройски, — да видать ни к чему, у тифу я их у Евпаторий привез, а апасля мы и расстались — я к Чапчику у втарую дивизию попал, а они не знаю.

Только едем это мы из Kryма на Пати-пароход такой называется, гляжу — Иван Иваныч ладошку подставили и воду спод машины по капли собирают, на карячках стоят. Я, к ним, — „Ваше Благородие, Иван Иваныч, да Вы ли это, вот Бог привел?!“ „Я, говорит, я — не хотиш ли испить — мутновата малость“... И тянут ко мне ладошку, не хотел я от них отымать, а они отлили мне у мою ладошку и приказали зажмуриться и пить...

Доехали это мы благополучно до Турецкие земли, да у лагеря Четалжинские. А что там было и не приведи Гэсподь, и решили мы усем хутором уходить. Было нас осемнадцать хуторян с Иван Иванычем. Собрались это мы ночью, дождя была. Ребята, стали Иван Иваныч говорить, дело мы затеяли аграмадное, и идем мы насупротив приказу и повеления, но погибать здесь не жалаем, потому кабы — война, а то так здря...

Идем у Константинопль, кабудь к хранцузу у Ахрикацкие войска наниматься, а там поглядим: куды — што... Ну, и пошли, значит, по путям.

Дядя Митяй подложил в костер еще щепок и дервяной ложкой помешал в котелке фасоль. „Твердай ящю, нехай покипитъ, — упретить“...

Ну, вот и идем усе гуртом, курить во-о как хотиться, а нельзя — обнаружит. Иван Иваныч идут переди с байдиком, у случаю чаво, говорит, катись с путей и ляжи.

— А как же са счастием-то, дядя Митяй?

— Ты чтой затынул с Адама! перебил Пахомка: скоро уже и фасоля упретить, а ты усе к главному под'езжаешь.

Дядя Митяй даже обидился, почесал спину и полез в карман за портабаком.

— Главного тебе подавай, ишь прыткой. Что-ж, мы табе разом штоль в Бихачи Сербские попали? — надо с понятием, а не так!..

К хранцузу не пошли, стал продолжать дядя Митяй, закручивая цыгарку, повечеряли у евоинных казармах, Виктория называлась, да и теку, туды-сюды, сварганили Иван Иваныч усем визы за Южные Сербии, королевства новья на место сербской земли, стало-быть.

Выбрались это мы на карабль...

— И-и, как его, кажись, Хернос?..

— Ну, да Хернос, — здаровай такой.

— И пплыи, пплыи уроде как Крымскую эвакуацию. Пришли у Бакары, туды-сюды, по четыри стотинных на брата от царя Сербского получили, уроде как штипендия...

И пошли это мы усем хутором у „Гранть-Ател“ и усю ночь цуг*) ожидали, а утречком холодком у Бихачи поехали...

*) цуг — поезд.

Тут дядя Митяй начал засмоливать свою закручку и закурил.

— А таперича дойдем и до главного, сказал он и повернулся к Пахомке. Ну вот... Бихачи уроде Медведицкой, что-ли, только наша Медведицкая кудыш тут — дупла*) будет, а с хуторами так и-и... и дядя Митяй пренебрежительно махнул рукой.

Ну, вароша не большая, биограф тебе есть, а кавана**), чего таить, поболе, чем у Черкасском.

И взялись мы пути Сербские строить. Иван Иваныч и я у одну группу попали, катаем себе ваганету, собственно и ни чижало...

Но вот тут-та и заинчирисуйся хозяйская дочка, на хватери у них мы стояли, заинчирисуйся она на предмет Ивана Иваныча. Она ему и так и сяк, все это показываает, что, мол, паря не зевай.

А живут — богатеи, дучан***) тебе, и хата тебе полный дом, и единственная, можно сказать, чада у родителев.

Газда†), видать, — ничего противного не имеет, потому, канешна, лестна — ахвицер, хуть и у изгнаинства, а все же чин по ихнему капетанский.

А Иван Иваныч противится. Не могу, говорит, дядя Митяй, не лежит у мени душа, что-бы иностранке за деньг законным браком продаваться, не инчирисуюсь я ней, и нейными капиталами...

Она, правда, девка того, говорю я им, да чиго же, Ваше Благородие, Иван Иваныч, с лица воду, чи што пить? Ну, жана, как жана-баба, заживете у свое удовольствие, глядиш и детишки кой-какие пойдут, душу отвядете, а чего так у сиромашеству††) и у бесславии ваганету катать.

Просили мы их усем хутором, рязонили, рязонили — нет, говорят — не лежит мое сердце, не рязоньте, говорят, меня станишники, и какой я казак опосля этого буду, что под иностранный капитал, можно сказать потпаду. Нет, говорят, и нет, сгнию лучше на вагонете, но у свое удовольствие.

Тут дядя Митяй остановился, затынул своей закруткой, сплюнул, всей ладошкой сверху вниз вытер рот...

— А апасля?.. встрял опять Пахомка, которому не терпелось.

— Апасля?.. апасля эта самая иностранка за надзорника пошла, чи турок, чи босняк — кто его знает, и живет он барином, цапок по жилетке пустил... Да, Христич! знаете вы его, ребята...

— Ну, да, да... отозвались мы все хором.

— Как-же, Христич!..

Ну, вот как о:о вышло, а был бы у вароши найпервейшая личность — продолжал дядя Митяй.

— Да, вот и они сами, их благородие, Иван Иваныч.

По полотну шел с работы Иван Иваныч Гвоздев, на правом плече нес кирку и лопату.

— Ну, как оно там, станица, фасоля готова, чи не?.. А то чтой-то ишь страшно хотиться!.. и он, улыбаясь, подошел к нам.

*) дупла — вдвое,

**) кавана — кофейная, трактирная.

***) дучан — лавка.

†) газда — хозяин.

††) сиромашество — беднота.

*****

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Олександр Півень (М. Забігайло). (Югославія).

СЛАВА КОЗАЧА НЕ ВМРЕ — НЕ ЗАГИНЕ!

(На позичений старий мотив).

Гей, не дивуйте,
Добрій люде,
Що на Кубані так стало;
Що там козаца
Слава й удача,
Буцім на-віки пропала.
Де-ж там пропала?
Знов вона встала,
Прямо стоїть — не зігнеться,
Поки за волю
Й кращую долю
Серце козацьке б'ється.
Ні, не пропала —
Камінем стала,
Буде й во-віки стояти,
Поки козацтво,
Щире юнацтво
Край рідний буде кохати.
Слава козаца,
Хист і удача
Більше у нас не загине,
А скрізь по миру,
Людам на віру,
Сивим голубоньком лине.

Правда-ж козацька
Стала, зненацька
Терном густим край дороги:
Віття колюче
Й слово пекуче
Ворогам киди під ноги.
Чуєте, хлопці,
Пани-молодці,
І всі козаченьки жваві?
Вірьте старому —
Діду сідому:
Буде козачество в славі!
Киньте ж журиться,
Гляньте — дивіться,
Що тепер діється в Празі:
Як там юнацтво,
Вільне козацтво
Стало в великій повазі.
Гей, там юнацтво,
Щире козацтво
Гучно до гурту скликає:
Вільних до вільних,
Щирих та вірних
В силу велику збиває.

Серце радіє,
Як все мицніє
Правда козаца і сила.
І як ворожу
Силу сторожу
Глибоко в серце вразила!
Хай з нас кепкують,
Лають, глузують
Вороги всі наші злючі:
А ми од того
Глузду дурного
Кріпче зіб'ємся до кучі.
Чуєш, москалю,
Злий зубоскалю?
Сміх твій дарма не минеться:
Добре ми знаєм,
Лиш дожидаєм, —
Хто найпослід засміється.
Смійся, регочися,
Та й бережися —
Прийдуть ще дні твої скрутні:
Бо як ударе
Грім той із хмари, —
Так засмієшся на кутні!

Далекий и старый призыв.

Восемьдесят лет назад Средняя Европа переживала тревожное время.

Пламя революционного энтузиазма французов, вторично свергнувших династию Бурбонов в 1848 году, зажгло факел свободы и понесло его светоч народам страдавшим под игом тирании.

Вспыхнули ярким пламенем народные надежды, загорелся огонь освобождения в Италии и Германии, запылал на венгерских равнинах Западной Священной Римской Империи и вызвал бурный отклик даже в стольном граде ее, Вене; луч надежды прошел по австрийской Галиции и бросил свой отблеск на далекие казачьи степи и склоны Кавказа.

Заставил он биться живее скованное цепями неволи, трижды рассеченное польское сердце и заволноваться нашу теперешнюю жертвенную гостинельку Чехословакию.

Но... прошел год. Перепуганная ударами революционных волн Европа успела прийти в себя. Тень новой реакции повисла не только над еще недавно горевшими мечтой о новом вольном житье народами Европы, но и над самым сердцем революции 1848 года — Парижем.

28-го мая 1849 г. собралось там новое Национальное Собрание и избрало президентом французской республики принца императорской крови.

Из далекого севера российских равнин пошли грозные полки „европейского жандарма“ гасить огонь венгерской независимости и впереди этой давящей серой массы катились казачьи полки. Полки тех казаков, которые сами дома, изнуренные и истощенные бесконечной войной и службой, задохнулись в навалившейся на них материальной беде николаевской эпохи. Почти „ни кола, ни двора“ не оставалось в ту пору в казачьей Земле у ее хозяина-казака, а он шел, послушный царской палке, разорять последний двор и усмирять восставшего против тирании венгерца.

Страстный призыв освобожденной Франции не дошел до его ушей и сознания и остался призывом, брошенным в молчаливую пустыню. Пустыней и была тогда казачья Земля, молчавшая упорно под пятой петербургского сапога.

К казакам не дошел призыв Франции, зов ее стольного града Парижа.

Лежит он теперь, через восемьдесят слишком лет, на нашем столе, поражая страстными, горячими, правдивыми словами. Горькая правда льется с его строк и наполняет болью сердце за глухоту наших дедов.

Цветущий май 1848 года был временем расцвета революционного порыва парижан и розовых надежд его детей на казачью помощь. Париж проговорил к Козачеству, к его старшему

брату Дону. Заговорил так, как говорил он и к другим народам мира.

4-го мая провозгласила Франция республику. Три принципа легли в основу ее иностранной политики: „дружественный союз с Германией, освобождение Италии, восстановление независимой и свободной Польши“. И к этому последнему делу она звала Казачество: поднять свой меч во имя христианской любви и братской свободы.

Вот она, французская „прокламация“ к казакам 1848 года:

„Донской народ Казаки!

Сейчас, когда свободная Франция приветствует все народы мира во имя христианских братства и свободы, мы, столица этой Франции, обращаем к Вам свой голос.

Долгое время Ваше имя обозначает орды, которые тирания и деспотизм мечут против свободы и цивилизации. И что Вы выигрываете в этих боях?

Ваши свободы, купленные самой чистой кровью Вашей, были нападены со всех сторон и уничтожены то лестью, то насилием. И если они еще не ликвидированы окончательно, то только потому, что деспотизм употребляет столько же предосторожности, сколько и хитрости, чтобы достигнуть своей цели.

Там, куда он не может броситься как тигр, он медленно скользит змеей, будучи терпеливым до конца, чтобы не испугать преждевременно намеченной добычи.

Царь московский, Голштейн-Готторн, родом немец и не славянин, но Романов, как он сам себя называет, не даст ли он Ваши храбрые полки тоже немцам? — Граббе, Зассу, Бенкендорфу, Фрейтагу и другим, — как стаи собак для охоты на народы, которые Вам не только ничего не сделали, но которые будут Вашими более лучшими друзьями, чем ими есть москвиты. В то время, когда немцы получают ценой Вашей крови титулы, богатства и честь, царь преследует Вашу веру старообрядцев и ссылает в изгнание, в дальние края, Ваших братьев; Ваши Платовы, Власовы, Ськоевы, Орловы, Денисовы, Грековы, Иловайские, Мартыновы, Дмитровы и прочие третируются как низшие, подвластные у подлых немцев и самих же москвичей.

Довольно с Вас этой подлой и низкой жизни! Воинственный народ, восстань на зов народов Запада! Протяни одну руку Вашим братьям по расе Полякам, а другую Черкесам, которые так мужественно и непрерывно сражаются за свою независимость.

Призовите к себе всех Казаков и Вы создадите немедленно сильное Государство, которое будет владеть желанными землями и морями и которое будет благоденствовать в счастье и славе.

Идите против царя тирана и несите освобождение самому народу московскому. Освободите от гонений веру Ваших предков, веру старообрядцев. Этими делами, достойными Вашей военной славы, соединитесь Вы с народами мира, которые желают для всех счастья, братства и свободы.

К оружию, к оружию воинственный Дон, Урал, к оружию Казаки, сражайтесь мгновение вольными людьми для того, чтобы добыть мир и благоденствие навсегда.

Господь Вас благословит, как благословляет он дело тех, кто устраивает Его царство на земле, а царство Его — это Братство между людьми, свобода, независимость и счастье для всех“.

Восемьдесят лет минуло с тех пор, а слова и призыв — живые.

Красный царь, жестокий тиран — Москва, гнетет и душит вольные народы необятных равнин Востока Европы и горных вершин Кавказа. Красный царь дробит и уничтожает Казачество.

Казаки! Казаки Дона, Волги, Урала, Кавказа! Казаки степей и Сибири! Сюда, сюда к нам, к Вольным Казакам!

Готовьтесь бороться за поруганную Землю родную, за Веру, и Братство, и счастье для всех.

Боритесь только миг в своей жизни и добудете мир и благоденствие Вашей Отчизне навсегда.

Зовите к себе всех казаков и мы создадим свое могучее Государство, которое будет владеть морями и степями и будет благоденствовать в счастье и покое...

*****

Т. Игнатович.

Казачество и горский вопрос.

(Продолжение).

Проведенные выше положения, конечно, не исчерпывают всей идеологической программы горцев Северного Кавказа. Это только основные вехи, определяющие и предпрещающие постановку и направление всех иных, более частных идеологических вопросов и ответов. Однако, и этих немногих основных положений вполне достаточно для того, чтобы казачья точка зрения в горском вопросе могла быть сформулирована вполне ясно и определено. Дело будущей жизни и реальных обстоятельств — более уточнить ответ на отдельные, частные, быть может даже очень важные вопросы уже поставленные, или имеющие возникнуть в будущем.

Обращаясь к рассмотрению и оценке этих основных положений, прежде всего остановимся на идее, которая, по отношению ко всем остальным, является главной и направляющей. Это пункт I, устанавливающий национальную сущность горцев, как социальной особи, отдельной от русских; утверждающий волю горцев жить отдельной независимой государственной жизнью, — и определяющий будущие отношения горцев к прежним хозяевам — русским, — словом, пункт декларирующий реализацию на конкретном Северо-Кавказском форуме абстрактной идеи права народов на самоопределение.

Сама по себе идея самоопределения народов не

нуждается в каких либо подтверждениях и доказательствах, для ее существования, права и силы. Идея эта является ныне, интегральной частью правосознания и морали современного культурного человечества. Ныне она никем не отрицается, ибо даже те, против чьих интересов она направлена, не решаются ее отвергать, они лишь стараются обойти различными лукавыми толкованиями про сферу ее применения.

Для таких толкований и обходов весьма благодарное поле представляет из себя многообразие современных социологических явлений, обозначаемых словами: нация, народ, народность, племя, раса и т. п. Каждое из этих понятий, в зависимости от его условного содержания, может быть включено или исключено из идеи права на самоопределение. Кроме того, самый способ самоопределения, его обстоятельства, формы и гарантии — равным образом являются предметом спора. Что для одних демократическое волеизъявление, то для других сепаратистический односторонний акт, для третьих же мелко-буржуазное разбивание единства рабочего класса... — Не абстрактная идея самоопределения народов, а фактическое применение ее в каждом отдельном случае и обстоятельствах нуждается во всестороннем обосновании и утверждении.

Решает вопрос вся совокупность аргументов за и против, взаимоотношения борющихся сил духовных, моральных, волевых и физических...

Обоснования реализации горцами права на национальное самоопределение сформулированные в приведенном пункте I должны быть признаны объективно вполне достаточными и удовлетворяющими. В данном случае, помимо очевидной для всех совершенной отдельности горцев от русского народа в расовом, языковом, культурном, бытовом и религиозном отношениях, не менее очевидной и существенной является общая воля горцев, ясно и недвусмысленно засвидетельствованная, как исторической долготелней дружной борьбой против Имперской России, так и актами волеизъявления 1917—1920 годов. Формальные недостатки волеизъявления горцев в этих годах, вполне объяснимые тяжелыми внешними обстоятельствами, отнюдь не дают противникам самоопределения горцев моральных оснований к удержанию и впредь населения Северного Кавказа в положении, созданном фактом завоевания...

Самоопределению горцев не может препятствовать и факт крайней внутренней дифференциации их в племенном и языковом отношениях. Ведь никому же не приходит на ум отрицать право на самоопределение, право независимо распоряжаться самими собою, например швейцарцев, столь различающихся в племенном отношении, говорящих на языках французском, немецком, итальянском... или бельгийцев, говорящих по фламандски и валлонски. Горцы Северного Кавказа имеют несомненное право на самоопределение, а в какой форме оно вылетится, в виде ли одного национально-политического организма или нескольких независимых, — это дело их и только их самих.

Казачество, само недвусмысленно выявившее волю к своему национальному самоопределению и созданию независимой казачьей государственности не может иметь в вопросе о самоопределении горских народов Северного Кавказа иной принципиальной позиции, кроме положительной. Казачество совершенно не заинтересовано в отстаивании российской точки зрения в горском вопросе. Государственно самоопределившееся казачество, ставши на своих Землях действительным, вместо России, северным соседом горцев, не может брать на себя задачи продолжения и удерживания положения, созданного завоеванием Кавказа Россией.

В прошедшем покорение горцев Северного Кавказа оправдывалось русскими необходимостью обеспечения защиты от турецких нападений, отдавшейся под российское покровительство Грузии. Ныне и этот довольно шаткий аргумент совершенно отпадает, ибо Грузия и иные народы Закавказья вновь стали на путь самостоятельного независимого строительства своей государственной жизни.

В прошлом казачество было принуждено принимать участие в завоевании Россией Кавказа. При этом завоевании казачество много пролило и своей и чужой крови, но пролило не за казачьи интересы. Сотни лет казаки были добрыми соседями кавказских племен по Тереку и Кубани... — еще в те далекие времена, когда Москва и нос свой боялась казать на юг от берега Оки-реки... Горско-казачье взаимное ожесточение — это исключительно результат российской завоевательной политики, результат сознательно организованной правительством земельной череполосы, результат натравливания друг на друга казаков и горцев. Казачеству в его самостоятельном народном бытии и независимой государственности не нужно завоевание Кавказа; не нужны бедные чурек и сакля его непосредственного соседа — горцев. Земли казацки широки и обильны — есть где применить силы свои в спокойном творческом труде. В предстоящей задаче организации защиты своей государственной самостоятельности казачество глубоко заинтересовано в том, чтобы иметь полную возможность спокойно опереться плечом о Кавказский хребет. Вражеский кинжал в спину, направленный даже слабой рукою, мог бы при некоторых обстоятельствах быть для Казачества смертельной. Интересы Казачества не в продолжении навязанной Имперской Россией войны с кавказскими соседями, а в полном мире и добрососедских отношениях.

В том же заключаются и интересы Горцев. Только за широкой казачьей спиной может быть обеспечено свободное государственное существование народов Кавказа, только искренний мир с Казачеством даст Кавказу возможность мирного строительства и культурного процветания. Взаимная дружба и поддержка между Казачеством и Горцами возможна только при абсолютном обоюдном признании права на самоопределение и искренней воле решать общие вопросы только по взаимному мирному соглашению.

Положения, сформулированные в пункте II, являются, так сказать, культурным самоутверждением горцев, провозглашением права на культурное существование и развитие.

Горцы Северного Кавказа не являются примитивными колониальными народами, застывшими на самых низких ступенях культурного развития и не имеющими ни воли, ни способностей к дальнейшему культурному прогрессу. Культурная жизнь горцев, уже в древности достигшая очень высокого уровня, только искусственно остановлена в своем развитии русским владычеством. России завоевательнице, России, прикрывавшей свои истинные цели высокопарными словами про ее культурную и цивилизованную миссию на Кавказе, горцы бросят в лицо жестокое обвинение в том, что владычество России не только не способствовало культурному преуспеванию горцев, но, даже наоборот, было причиной остановки и упадка их духовной жизни. Патриархальные горские племена, быт и героическую борьбу которых воспели Пушкин, Лермонтов, Толстой, Шевченко... оставлены были Россиею почти совершенно без школы, без грамоты.

Казачество по себе хорошо знает, как исполняла свою культурную миссию Россия в присоединенных, даже „русских“ окраинах. Долгая борьба с правительством за право открытия гимназий на Казачьих Землях, совершенное отсутствие, вплоть до мировой войны, на Казачьих Землях Высших Учебных Заведений — все это красноречивые свидетельства российского культуртрегерства. — Но данные про состояние просвещения у горцев Кавказа просто ошеломляющие. Мы приглашаем читателя внимательно посмотреть и продумать цифры, помещенные в графах грамотности, приложенной к настоящей статье таблицы. На 1.450.476 душ горского населения — 116.961 грамотных, т. е. всего 8%!!!. Однако, и среди этой ничтожной суммы только 57.850 душ, т. е. 4% обязаны своей грамотностью школам, организованным русским правительством, остальные — это 49.810 душ грамотных на родных языках и 9.301 грамотных в Дагестане на тюркском и прочих местных языках — обязаны своей грамотностью исключительно частным горским школам, большею частью

Население горских областей Северного Кавказа по народности и грамотности.
Данные советской переписи населения 1926 года.

№. № по перечню народностей СССР	НАРОДНОСТИ	Итого населения	В том числе грамотных		Н а с е л е н и я						VII Кабардино-Балкарская авт. обл.			VIII Северо-Осетинская авт. обл.		IX Ингушетская авт. обл.	X Чеченская авт. область		XI Дагестанская авт. С. С. С. Р.			
			Всего	На родном языке	I Сунженский округ	II Владикавказ авт. гор.	III Грозный автоном. город	IV Адыгее-Черкеск. авт. обл.	V Черкеск-ская авт. область	VI Карачаевская авт. обл.	Всего населения	в т. ч. казачий район 3.	в т. ч. Прималкинский район 7.	Всего населения	в т. ч. Притеречный район 5.		Населен.	Всего населения	в т. ч. Петропавлов. район 9.	Всего населения	в т. ч. Ачикулакский округ	в т. ч. Кизлярский округ
	Граждан СССР	1.945.619	346.848	222.862	34.875	75.275	96.226	112.767	36.951	64.579	203.776	9.355	14.227	152.254	19.238	75.082	309.787	5.345	784.047	19.323	80.174	
	Иностранцев	9.324	2.090	—	13	3.071	861	714	45	34	230	—	—	181	—	51	73	—	4.051	—	—	
	Горцы	1.450.476	116.961	49.810	553	12.853	3.948	52.501	26.585	59.725	164.860	361	6.044	128.503	2.912	73.149	295.319	109	632.153	81	1.851	
25	Евреи горские	14.561	3.056	—	—	—	1.475	9	7	—	1.473	—	—	2	—	—	3	—	11.592	—	95	
111	Черкесы	53.565	7.638	2.997	2	13	5	50.821	2.655	25	18	—	1	2	—	5	1	—	18	—	—	
112	Бескесек-Абаза	13.740	1.269	201	—	—	—	—	10.993	2.738	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
113	Кабардинцы	138.125	8.843	2.101	2	70	6	1.466	12.314	1.182	122.402	44	5.609	56	—	59	538	—	30	—	—	
115	Чечены	317.946	8.904	2.622	230	66	1.931	3	1	2	31	—	2	—	—	2.572	291.259	104	21.851	2	550	
116	Ингуши	71.945	6.302	860	301	1.517	24	—	—	—	8	—	—	23	—	69.930	130	—	12	—	—	
119	Лезги	91.018	4.236	—	3	173	154	57	1	2	8	—	—	8	—	54	49	—	90.509	1	42	
120	Табасараны	31.915	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31.915	—	—	
121	Агулы	7.653	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7.653	—	—	
122	Арчинцы	854	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	854	—	—	
123	Рутулы	10.333	433	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10.333	—	—	
124	Цахуры	3.531	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.531	—	—	
131	Даргинцы	108.930	5.335	4.224	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	108.926	1	322	
132	Кубачинцы	2.369	104	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	5	—	4	—	2.357	—	—	
133	Лаки	40.184	3.315	2.918	2	1	—	2	—	10	23	—	—	16	—	110	142	—	39.878	16	34	
134	Авары	139.584	9.960	9.040	—	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	2	829	—	138.749	2	9	
135	Андии	7.833	267	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	33	118	—	7.681	—	—	
136	Ботлихцы	3.354	409	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.354	—	—	
137	Годоберинцы	1.425	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.425	—	—	
138	Каратаи	5.305	206	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5.305	—	—	
139	Ахвахцы	3.677	161	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.677	—	—	
140	Багуалы	3.054	223	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.054	—	—	
141	Чамалалы	3.438	167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.438	—	—	
142	Тиндии	3.812	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.812	—	—	
143	Лидои	3.276	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.276	—	—	
144	Хваршины	1.019	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.019	—	—	
145	Капучины	1.447	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.447	—	—	
146	Хунзалы	98	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	98	—	—	
150	Айсоры	172	40	9	—	138	23	4	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	
151	Кайтаки	14.424	292	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14.424	—	—	
153	Осетины	147.690	36.647	14.890	11	10.799	235	4	188	3.088	4.078	315	425	128.321	2.911	317	113	3	536	—	—	
159	Карачаи	52.985	4.555	—	—	3	4	—	372	—	98	—	1	3	—	—	1	—	1	—	—	
160	Кумыки	94.176	10.405	8.499	2	47	87	135	54	52.503	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
161	Балкары	33.255	1.721	267	—	5	—	—	—	144	3.505	2	2	55	1	57	2.130	2	87.960	59	798	
163	Тюрки	23.456	1.379	1.181	—	17	—	—	—	29	33.197	—	4	17	—	—	—	—	7	—	—	
										1	5	—	—	—	—	3	2	—	23.428	—	1	

устроенным духовенством при мечетях... Только четыре процента горского населения получило грамотность в правительственных школах... — вот результат шестидесятилетней культурной миссии России на Кавказе, вот обвинительный акт, который горцы вправе прочитать перед лицом всего культурного человечества...

Культурному развитию и процветанию горцев Кавказство может только ото всей души сочувствовать и посылить помогать. Не в интересах Кавказства темнота соседей-горцев; темнота и несознательность это только хороший материал для враждебной Кавказству интриги... Кавказство должно вместе со всеми иными народами, пострадавшими от преступной политики затемнения и денационализации, поставить империалистические российские идеи на суд всего культурного человечества; Кавказство должно принять самое деятельное участие в деле создания общих гарантий, которые не допустили бы в будущем повторения подобного „культуртрегерства“.

Пункт III идеологических положений выражает стремление горцев к созданию основ культурно-народной консолидации племен Северного Кавказа. — Действительно достаточно прочесть в приложенной к статье таблице список горских народностей и племен и сопоставить одновременно с количеством их населения, чтобы понять всю важность и сложность проблемы консолидации.

Северный Кавказ — это пестрая мозаика племен, говорящих на множестве языков и наречий, весьма различных по происхождению и находящихся на различных ступенях развития. Письменного употребления достигли только языки самых крупных горских племен, мелкие наречия письменности не имеют и, очевидно, по причине крайней ограниченности их употребления, этой письменности иметь и не будут. Задача культурной консолидации горцев, это в первую очередь задача сгруппирования мелких нелитературных наречий, имеющих между собою черты сходства, вокруг более крупных языков, как органов взаимного общения, просвещения и литературы. Без проведения такой, мы бы сказали, филологической комасации Северного Кавказа, культурный прогресс мелких племен совершенно невозможен.

Однако, подобное филологическое уплотнение имеет свои природные границы. Совершенно нельзя думать, что было бы возможно на базе горских языков создать только один общий для всех горцев литературный язык. Горские наречия настолько различны друг от друга, что искусственное создание подобного языка не дало бы никаких практических выгод в деле просвещения широких народных масс. Введение подобного „горского общего литературного языка было бы равнозначущим принятию горцами за литературный напр. языка английского или русского. —

Распространение его неминуемо ограничилось бы лишь горской интеллигенцией, а широкие народные массы остались бы для него совершенно недопустимыми. Сама жизнь диктует на Северном Кавказе создание нескольких письменных языков для массового употребления. Следующей уже задачей горской консолидации является избрание одного из наиболее культурных языков для целей межплеменного общения.

Во всех этих горских консолидационных процессах Кавказство не может занимать иной позиции, кроме вполне благоприятствующей. Кавказство не имеет относительно Кавказа никаких агрессивных намерений, которые требовали бы применения правила „разделяй и властвуй“. Кавказство само должно пройти внутренний консолидационный процесс между отдельными казачьими Войсками-племенами и для благополучного разрешения этой весьма и весьма нелегкой задачи, Кавказство должно учесть теоретические и практические результаты консолидационной работы горцев.

Весьма важным и сам по себе и по своей постановке является пункт IV про право и возможность возвращения горских эмигрантов на родину. С принципиальной стороны пункт этот не может вызвать каких либо возражений, Казаки-эмигранты особенно остро

чувствуют тяжесть насильной оторванности от родной земли, особенно ясно понимают бесправие насильного лишения родины, и необходимо бороться за возвращение. Пункт про реэмиграцию может вызывать различную оценку только со стороны — постановки и методов практического проведения его.

С этой именно точки зрения мы считаем, что реэмиграционная проблема поставлена горцами не совсем правильно, без надлежащего предварительного учета данных, обстоятельств и технических возможностей, поставлена в несоответствующем действительности широком объеме, который, взваливая на горцев непосильные задачи, одновременно создает угрозу неминуемых конфликтов с их соседями. Ошибочная постановка реэмиграционного вопроса логически ведет к опасным ошибкам в сформулировании горской территориально-государственной программы и земельной политики, — логически ведет к нарушению интересов и прав Кавказства. Отсюда — опасность возникновения казачье-горской борьбы; отсюда необходимость и для Кавказства и для горцев особенно внимательного пересмотра и трезвой переоценки этих спорных положений.

Прежде всего остановимся на вопросе о размерах реэмиграции, о количестве горского населения, находящегося в эмиграции и подлежащего возвращению на родину.

Горская программа определяет это население цифрой полутора миллиона душ, т. е. количеством, почти равным числу всего нынешнего горского населения Северного Кавказа. Это почти исключительно потомки горцев, высланных из пределов России, после завоевания Кавказа, ибо горцы, эмигрировавшие вследствие событий последнего десятилетия, исчисляются всего лишь десятками, максимум сотнями душ.

Мы не знаем тех статистических данных, на основании которых горская программа устанавливает столь крупное количество горцев, как высланных из Северного Кавказа, так и находящихся ныне на эмиграции. Ни во время завоевания русскими Кавказа, ни когда либо позже не было произведено точного статистического учета количества эмигрировавших горцев. Это было совершенно невозможно, как по обстоятельствам времени, так и по условиям самой эмиграции. Эмигрировавшее горское население равным образом не было точно учтено и в стране поселения, в Турции. Все известные нам данные относительно горской эмиграции представляют из себя ни что иное, как теоретические исчисления или определения „на глазомер“, с амплитудой колебаний от двух миллионов душ до всего лишь нескольких сотен тысяч. Однако, и столь малая ценность подобных исчислений становится совершенно призрачной для установления нынешнего числа эмигрантов, если примем во внимание бедствия обрушившиеся на головы эмигрантов. Это эпидемии и голод во время эмиграции и на местах оселения; это гибель в бурных волнах Черного моря десятков дырявых кораблей с многими тысячами эмигрантов-горцев; это, наконец, многочисленные войны, в которых Турция имела в лице озлобленных против России горцев прекрасный военный материал... Даже, если бы количество покинувших родину горцев, действительно превосходило миллион душ, то после перенесенных бедствий, число потомков их в нынешнее время, не может быть иное, как лишь несколько сотен тысяч душ. Официальные статистические данные Турецкой Империи за время перед последней турецко-балканской войной, среди магометанского населения Турции насчитывают 400.000 душ эмигрантов с Кавказа, под общим термином „черкесов“. Мировая война и территориальное уменьшение Турции, очевидно, снова неблагоприятно отразились на количестве эмигрантов-горцев. В современной Турции насчитывается всего лишь 250.000 „черкесов“... [См. В. Аболтин. Национальный состав Турецкой Республики. Новый Восток кн. 1 — (7)].

Таким образом, уже само количество горцев-эмигрантов указанное в горской программе следует считать в несколько раз преувеличенным.

Этим, однако, дело не ограничивается. Действительное количество возможных реэмигрантов значительно суживается еще и тем обстоятельством, что не все

действительные потомки горских эмигрантов захотят оставить свои теперешние места жительства и возвратиться в землю предков. Горская программа категорически утверждает, что эмигранты-горцы, десятками лет живущие в невольной эмиграции, до сих пор не потеряли ни обычаев, ни языка, ни любви к своей родине ни, что всего важнее, связи с ней... Это утверждение, нет сомнения, вполне справедливое относительно значительной части горских эмигрантов, не может однако считаться применимым абсолютно ко всей эмиграции. —

Несомненно и на эмигрантах горцах отразился соответствующим образом закон денационализации и ассимиляции национальных меньшинств, рассеянных среди компактной инонациональной массы. Среди горских эмигрантов ныне навряд ли осталось еще пара десятков стариков, реально помнящих свою оставленную родину. Остальные родились уже в Турции, выросли и жили среди турок, связаны с турецкой жизнью бесчисленными нитями моральными и материальными. Трудно допустить, чтобы весьма даже сильное чувство к оставленной уже реально неизвестной родине, могло пересилить у всех решительно эмигрантов-горцев, реальные узы, связывающие их с новой родиной, и двинуть на переселение на Кавказ. Несомненно, будет известное количество эмигрантов, которые вовсе не пожелают возвращаться на Кавказ, а останутся жить в Турции. Количество их, ныне трудно учитываемое, при некоторых обстоятельствах, может свести действительную реэмиграционную массу всего лишь к нескольким десяткам тысяч душ...

Горская постановка реэмиграционной проблемы ставит грандиозную задачу переселения огромных масс горцев из Турции на территории Северного Кавказа, густо населенные или самими горцами или несколькими миллионами негорцев...

Где тот технический аппарат, который смог бы произвести подобную, непосильную даже великим державам переселенческую работу? Где те материальные ресурсы, которые смогли бы обеспечить более счаст-

ливый, чем перед шестидесятью годами, переезд через Черное море и оседание на новых местах реэмигрантов? Где та моральная и физическая сила, которая смогла бы сдвинуть с места многомиллионное негорское население, осевшее на предгорьях Северного Кавказа после завоевания его Россией? Кто возьмется исправлять раз учиненное Россией над горцами насилие, новым насилием над казачьим и крестьянским населением?

Современная горская постановка реэмиграционного вопроса — утопия, беспочвенная, вредная утопия.

За нею мерещится мрачный призрак кровавой борьбы, одинаково жестокой, одинаково бесполезной и вредной для обеих сторон.

Реальные данные и обстоятельства ставят проблему горской реэмиграции в рамки вполне возможного для реализации переселения может быть десятков тысяч душ горских эмигрантов на территории, которые могли бы освободиться при мирной, основанной на взаимных уступках договаривающихся сторон, ликвидации национальной череполосицы и размежевании государственных территорий казачьих и горских народов Кавказа.

Только в такой форме осуществление права горских эмигрантов на возвращение на родину является реально возможным, только такой путь не нарушает интересов и прав Казачества... Объем вопроса наскоро и, мы уверены, не окончательно намеченного горцами, Казачество не может иначе оценить, как только отрицательно.

(Окончание следует).

Р. С. Горцы просят нас сделать следующую поправку в предыдущую нашу статью: Народная Партия Горцев Кавказа издавала журнал „Вольные Горцы“ в Праге. Впоследствии же название журнала было изменено на „Горцы Кавказа“, который стал выходить в Париже.

Т. И.

Инж. В. Бейсуг.

Казачество и русские партии.

Развитие общественно-политической мысли Императорской России пошло по тому же пути и выливалось в те же формы, как и внутренне-политическая жизнь Западно-Европейских стран: в формы различных партий и партийных группировок. В сравнении с продолжительным опытом Зап. Европы, Русская партийная жизнь была очень молода. Она не успела захватить массы. Однако, и ее недолгого опыта достаточно, чтоб подметить не одинаковую степень ее развития среди различных групп населения России. В процессе такого подмечания мы не можем не обратить внимания на то, что казачество было весьма мало затронуто партийной русской жизнью. Едва ли это нужно кому либо доказывать. Ни одна русская партия никогда не комплектовала свои ряды из казаков; казачество стояло в стороне, чуждалось общерусских партий.

Возникает вопрос — почему? Когда то из уст одного русского профессионального политика нам пришлось в частной беседе слышать ответ, что это объясняется „малоинтеллигентностью казачества“. Такой ответ нас не удовлетворяет. Что казачья интеллигенция была бедна числом, — это правильно. Что казачья интеллигенция не принадлежала к группе той русской интеллигенции, которая являлась непосредственным проводником в России всех западных веяний (в том числе и партийной жизни), это тоже правильно. Но почему же и та небольшая группа казачьей интеллигенции, наличия которой не отрицал мой собеседник, оказалась в подавляющем большинстве такой невосприимчивой по отношению к общерусским партийным программам?

Напрашивается и второе возражение. Зарождавшаяся в среде интеллигенции, партийные программы начали

перед революцией постепенно проникать и в более широкие круги, особенно в среду рабочих. Процесс этот только начинался. Но почему же по отношению к казачеству не имело места даже и такое начало? Этот факт „малоинтеллигентностью казачества“ уж никак объяснить нельзя. Как ни душна была атмосфера дореволюционной России, все же казаки силой своей внутренней природы оказались в состоянии наиболее из всех сохранять свой глубокий внутренний интеллект, которому воздаст должное в своих Записках и ген. Врангель. Несмотря на то, что именно казакам правительство оставляло наилучшие пути для культурного развития, казачество никогда не стояло позади других в смысле своего духовного развития. Казачество сохраняло и сохранило в себе несравненно большую долю критики, трезвого смысла и навыка к мысли, чем забытые крепостничеством крестьяне России. И даже рабочих, стоявших благодаря жизни в городах физически ближе к благам европейской культуры, мы не склонны выдвигать по степени интеллигентности на место впереди казаков. Индивидуальность у казака сильнее, вдумчиво-критическое отношение к окружающему развито больше. При этих данных и для развития политической мысли и работы обстановка среди казачества, казалось бы, должна была быть благоприятная. А вот же нет, программы русских партий в душу казака не вошли, его не заинтересовали.

Нет, не в „малоинтеллигентности“, повидимому, тут дело, — понимай эту малоинтеллигентность хоть качественно, хоть количественно. Причины лежат глубже. Попробуем их поискать, не претендуя на исчерпываемость объяснения и заранее оставляя место и для других действующих параллельно причин.

Посмотрим на Запад, на современную партийную жизнь там. В существе каждой партии можно уловить несколько интересных для нас моментов: партия делает подбор людей по определенному признаку, производит этим известное расслоение и дает возможность противопоставления данной партии партиям иным, или всему, стоящему вне данной партии. Если бы партии какого либо государства в Зап. Европе сговорились и пришли к одинаковой программе, то возможность противопоставления бы пропала и нельзя было бы уже говорить о партийной жизни данного государства в прежнем смысле слова. Признак, по которому происходит расслоение, может быть разный. Такие партии, как „клерикальные“, „католические“, „протестантские“, „христианских социалистов“ и т. д., проводят барьер по линии социально-религиозной. Партии „земледельческие“, „крестьянские“, „рабочие“ и т. д. — базируются на моментах социально-профессиональных; и т. д. В каждом случае всякая партия приобретает смысл лишь при наличии другой протигруппы: католическая — при наличии группировки протестантской или группировки, сознательно игнорирующей момент „католичества“, рабочая — при наличии иных классовых группировок с другими интересами.

Попавши на русскую почву, идея партийной структуры по своей сути осталась та же. Войдя в партию, авангард русской передовой интеллигенции этим противопоставил себя армии интеллигентов, оставшихся вне партии. В среде рабочих партийная организация начала развиваться с тех пор, когда рабочие настолько оторвались от деревни, что создали самостоятельный класс, отличный от класса крестьянского. Как характерное явление, следует отметить еще и сразу обозначившуюся трещину по линии: народ — интеллигенция, отрыв верхнего слоя от народной толщи внизу, оформление путем партийной организации исконных отношений водителей — интеллигентов к ведóмому народу.

Мог ли этот процесс развиваться в среде казачества? Думаем, что нет. Теоретически здесь можно было бы предположить лишь две возможности: или казачество (пусть даже лишь казачья интеллигенция) могло бы быть захвачено русскими партиями, или казачество бы выдвинуло самостоятельную свою партию. Первое было бы более чем искусственно, за отсутствием каких либо точек соприкосновения между интересами казачества и программами русских партий.

Русские партии никогда не брали данных из условий казачьей жизни, тоже „хождение в народ“ шло в иной народ, но не в казачью среду. С другой стороны, для земледельческого населения наших областей тот же рабочий вопрос разве мог быть чем либо иным, чем пустым звуком? Разве пересудки и программные решения вопросов о русской общине, о мерах лечения малоземелья, переселение крестьян в Сибирь, о системе выборов в Государственную Думу, о земстве и т. д., — могли заинтересовать казачество и затрагивать его в равной мере с другими составными частями Российской Империи? Даже вопрос конституции и самодержавия лишь очень своеобразно затрагивали казачество. Казачеству был нужен свой выборный, а не наказный Атаман и сохранение форм его исторической самобытности. Вся остальная „конституция“ казаку могла оставаться глубоко безразличной, — пусть там и сидит хоть самодержавный царь, но вот здесь то дайте нам Атамана своего и порядки оставьте нам наши собственные. В этом был ключ казачьей психологии в политических вопросах.

Ясно, что ни одна русская партия не могла предложить казакам программы, удовлетворяющей их запросам. Иные же программы казака заинтересовать не могли, ибо занимались они вопросами от казачества далекими, для него не конкретными.

Встает другой вопрос, — ну, а почему же казаки не создавали своих собственных партий? Предположим, что казачество все в целом образовало бы единую свою партию. Теоретически это было бы вполне возможно, ибо обозначало бы противопоставление интересов казачества интересам, защищаемым иными, неказачьими партиями. Однако, практически в условиях царской России это было невозможно. Какое бы правительство допустило превращение в партию всего „казачьего войска“? А между тем такая бы картина по существу и получи-

лась, если бы „верное престолу военное казачье сословие“ создало бы свою единую партию. Итак, эта возможность отпадала в силу фактического положения вещей.

Нам зададут другой вопрос: почему сразу говорить о единой всеказачьей партии? Ведь партии могли возникнуть и внутри казачества? отрицательный ответ на этот вопрос мы будем обосновывать отсутствием тех основных разделительных моментов, о которых говорили уже выше, и которые именно и создают партийную организацию. Вера? — казачество все православное. Профессионально-классовые интересы, — о каких классах внутри казачества можно говорить? Оторванная от массы интеллигенция? Это неправда. Казачья интеллигенция в подавляющем большинстве своем никогда не отрывалась от массы. Высыясь над массой в силу своего образования и развития, она своими корнями оставалась в народной толще. Казачество никогда не знало тех, то снисходительно-ласковой опеки, то презрительно-покровительственного отношения к народу, которые заставили общерусскую интеллигенцию висеть в воздухе, теряя связь с народом и в итоге оказаться чужой и непонятной для масс.

Возьмем хотя бы наше казачье офицерство. Условия военной дисциплины проводят во всякой армии общую грань между офицером и солдатом. Казачьи войска считались всегда одними из наиболее дисциплинированных частей Имперской армии. Но дух прусского юнкерства был чужд казачьим частям. Если можно говорить о сознательной дисциплине в армии вообще, то тогда именно в казачьих войсках и было ее наиболее. Казак-офицер всегда оставался для простого казака своим станичником — и во время исполнения своих служебных обязанностей, и тем более, вне службы. Казачье офицерство никогда не было замкнутой, оторванной от низа кастой. Казачья интеллигенция может принять упрек в чем угодно другому, но только не в оторванности от народной массы.

Отпадает и этот возможный „интеллигентский“ барьер для расслоения казачества, обуславливающего создание внутренних партий. И все же мы можем показаться читателю слишком смелыми в нашем отрицании расслоенности казачества. Как же мы можем говорить о единности казачества после всего того, что мы пережили за годы противобольшевщической войны и переживаем теперь за границей, ломая горы перьев в бесконечных взаимных спорах и поединках?

Отрицать наши распри в недавнем прошлом и расхождение теперь, конечно, нельзя. Но, имеют ли эти распри характер расхождений, создающих отдельные партии? Партийной ли они природы? Вдумчивое отношение к окружающему заставляет ответить: нет.

Всмотримся в то, что сейчас к нам наиболее близко и легче обозримо — заграничные эмигрантские группировки. Прежде всего мы можем констатировать, что казачество по прежнему не составляет кадров ни прежних, ни новых „общерусских“ партийных группировок, оно стоит в массе и теперь в стороне от них. Некоторый % казачества до недавня еще принадлежал к эмигрантской группировке, возглавлявшейся В. Кн. Николаем Николаевичем. Но разве это была „партия“, имевшая определенную программу? Во-первых, сам Ник. Ник. никогда не претендовал на звание лидера, ибо не давал никакой программы. Может именно поэтому он и смог привлечь в свои ряды известную часть казачества: идти за ним, думали многие, не означает отказываться от своего политического „я“. Пребывание в его рядах покоилось больше на силе инерции, как бы на продолжении прерванной войны с большевиками. Это — полная беспрограммность, отнюдь не объединение по партийному признаку. Такую беспартийность мы считаем в данный момент неуместной для казачества, ибо именно отсутствие определенной собственной казачьей программы и привело нас в современное положение.

Возьмем группы федералистов. И это не партии, ибо, поставив за словом федерация точку, можно больше развить любую программу вплоть до федерации под скипетром Самодержца Всероссийского включительно. Пребывание части казаков в этих рядах можно объяснить именно неясностью и недоговоренностью: каждый

вкладывает в нее что хочет и этим успокаивает внутренний незаглушимый голос казачьей самобытности.

Мы взяли на выбор пару группировок и увидели, что они не являются и не могут являться партиями в собственном смысле этого слова. Брать еще другие — зачем, т. к. они были бы слишком нехарактерны. На ряду со всем этим можно наблюдать обстоятельство весьма любопытное.

Расбросавшись по всему белому свету, казаки объединились в свои хутора и станицы. Ежегодно на Пасху, Рождество и Новый Год в казачьих журналах всевозможных направлений и лозунгов мы читаем приветствия и поздравления с праздниками своих Атаманов! Одни шлют их просто, другие — отделяя личность своего атамана от поста атамана, третьи и личности атамана и самому атаману. Можно ли указать что либо подобное в русской эмиграции? Найдется ли во всей общерусской эмиграции три лица, соответствующие нашим трем казачьим Атаманам (Донскому, Кубанскому, Терскому), послать привет которым согласились бы все русские эмигранты? Их нет. И в этом много знаменательного. Это заставляет нас думать, что казачество и пройдя через горнила всех распрей в недавнем прошлом, и не забыв свои раздоры и теперь, все же хранит в глубине своей души зерно какой то единости, нераздельности, общности. И для тех, кто политической программой не связан со своим Атаманом, он все равно является символом казачьей самобытности. У очень многих все эти моменты проявляются бессознательно, некоторые сознательно скрывают и тщетно хоронят их, Вольное Казачество одно назвало вещи их собственным именем. Именно это огромное и сильное единство казачьей самобытности и его внутренней цельности не дали захватить казачество прежним русским партийным группировкам и расколоть его антагонизмом партийного деления, в массе заставляют чуждаться и теперь.

Придя к такому ответу на заданный себе вопрос, мы этим обозначим исходный пункт и для ответа на второй вопрос, без которого наш очерк не был бы целен: что же ждет казачество дальше? По какому пути пойдет оно? Прижмет к какой либо партии, или создаст свою собственную? Путь его, думаем мы, намечен его историческим прошлым. Думать, что казачество прижмет к какой либо партии мы не имеем ни малейшего основания, т. к. до сих пор не произошло ничего такого, что толкнуло бы казачество на этот путь. Кто думает так, — пусть это сперва докажет. Но вот с вопросом создания своей собственной партии теперь дело обстоит иначе.

Казачество силой вещей выведено из своего прежнего стационарного состояния. Оно не имеет сейчас места под луной и должно найти его себе. Теоретическое искание новых путей является необходимой предпосылкой. Но наступит время и намеченное теоретически место нужно будет занять практически. Нужно будет что то уже не говорить, а делать.

Для деятельности нужны деятели, нужен контакт между ними, нужна их взаимная связь, нужна организованность их деятельности и заключение ее в известные формы.

На страницах нескольких последних номеров данного журнала в очерках под названием „К проблеме нашего экономического возрождения“ мы уже подчеркивали нашу неприязнь ко всякого рода работе, построенной на гниющих принципах европейской партийности, всех этих сговорах, коалициях и т. п. началах, стоящих в диаметральной противоречии с требованиями учения о научной организации труда, провозглашающего единство плана и действия за основное условие успеха. Поэтому нам бы очень не хотелось называть ту организационную единицу, которой суждено будет претворить

в жизнь заветы казачества, нудным для нас словом „партия“. Но, приходится следовать совету великого англичанина Дж. Ст. Милля, рекомендовавшего никогда не заменять старых привившихся слов новыми, выдуманными терминами. Пусть это будет „партия“. Однако, эта партия должна резко отличаться от обычной европейской партии. Органически связанная с народом, выражающая его волю и историческое развитие, вносящая не корректив в уже имеющееся, но творящая новую жизнь, как целое, она должна будет иметь смелость признать себя единственной, исключающей всякие иные и отрицающей право на равное существование за какими бы то ни было другими партиями, укомплектованными под воздействием искусственных программ и возглавляемых компромиссными профессиональными политиками.

Признавая за собой общечеловеческую способность к ошибкам и допуская инакомыслие в вопросах тактики, такая „партия“ должна стать не только единственной носителем впервые оформленной казачьей идеологии, но и ее исполнительницей, выражать одновременно и законодательное и исполнительное начало.

Мы чувствуем, что подобное утверждение выставляет нас под град обвинений в самых противоположных грехах: и в евразийстве, и в фашизме, быть может даже в копировании методов... коммунизма! Но нам это не страшно. Что касается евразийства, то, пользуясь любезным разрешением редакции, мы в ближайших номерах предложим на рассмотрение нашим читателям несколько иной взгляд на евразийство, чем это делает г-н Долинский (см. его статью „О Евразийстве“ в № 32 „В. К.“) и подчеркнем, что в евразийстве надо различать его чисто „евразийские“ довольно глубокие и обоснованные предпосылки, и совсем уже не евразийские, а просто „державно-великорусские“, неприемлемые для нас выводы.

Поскольку нас могли бы обвинить в евразийских именно предпосылках, а не выводах, — мы этого не боимся. Обвинение в фашизме было бы, конечно, совершенно неправильным. Ведь фашизм свалил все другое, занял его место и взял патент на право решать и думать за всех. Ничего подобного не навязываем мы нашей грядущей „партии“. Мы никого не валим и ни на чье место не садимся. Мы занимаем пустовавшее раньше наше место и говорим, что ни с кем делиться им мы не собираемся, никого иного на него не пустим и чужим профессиональным политикам метать о нем кости не дадим. Что же касается патента на правильность идеологии рисующейся нам „партии“, то такого мы вовсе не берем. Этим проводится и высокий барьер от методов коммунизма, присвоившего себе право и законодательной и исполнительной власти, но путем беспримерного насилия, вопреки воле народа, во имя интересов противопоставляемой народу, а не выражающей его волю, партии.

Создание единой казачьей партии начертанного вида мы считали бы явлением и желательным для блага казачества и неизбежным в захватившем его процессе пробуждения. Мы повторяем еще раз, что из стационарного состояния, из стояния на месте казачество уже вышло. А раз идти, — надо наметить путь. Проторенные всякими партийными русскими лидерами дороги казачество никогда не влекли; почему, — мы пытались уже объяснить. По мелким дорожкам партийных группировок, вытаптываемых теперь в эмиграции, казачество тоже не идет. Настанет время, и казачество впервые создаст свою единую казачью „партию“, но не копируя „партийность“, не разливаясь по мелким партийным ручьям, хотя бы и объединенным во всякие хитрые коалиции, но прокладывая собственное единое русло для кристаллизирующейся новой своей жизни. Без такой партии и проснувшееся казачество оказалось бы в один прекрасный день будущего армией без штаба.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

М. Б. Нарбеков.

„Степняки“ — партизаны.

Можно сколько угодно спорить здесь, в эмиграции, вдали от современной советской действительности, по вопросу о нужности или ненужности, вреде или пользе борьбы с оружием в руках против большевицко-коммунистического ига — будь то действия партизанские или по существу с ними много общего имеющие индивидуальные террористические акты, — все одно, договориться до каких либо общеприемлемых выводов нельзя. Дело не только в разнице политических и иных взглядов, но и в темпераменте.

Партизанство было выдвинуто самой жизнью в первые годы большевицкого владычества. Появилось оно в Казачьих Землях, на Украине и в других „окраинах“, т. е. в наиболее здоровых, противобольшевицки настроенных частях б. Русской Империи. Примечательно, что в Великодержавии усвоившей большевизм, партизанство не имело места совсем.

Партизанство не умерло и до сих пор и, хотя и в уменьшенном масштабе, но продолжает и сейчас еще вести борьбу против большевиков. Значение партизанства огромно. Оно дает выход накопившейся в народе ненависти против тиранического режима, поддерживает и воспитывает в массах волю к борьбе, доказывая, что народ еще жив, что не сломлен его дух, что не угасли в нем возможности освобождения. Придет час — эти возможности сделаются фактом, — и тогда партизанские отряды явятся кадрами для организаций крупного масштаба, т. е. повторится то же, что было на Дону в первое время противобольшевицкой борьбы. На Дону партизанство началось с осени семнадцатого года, сыграв чрезвычайно важную роль в героической борьбе казачества с большевиками.

Уже после так называемого „Калединского бунта“ многим стало ясно, что вооруженной борьбы за „право на жизнь“ казачеству не избежать.

И в сентябре семнадцатого года одним из видных донских офицеров был выдвинут вопрос о создании партизанских отрядов. Предложение это Атаманом Калединым было отклонено. Но, жизнь скоро и властно внесла поправку в атаманское решение.

Большевики напирали со всех сторон на область, значительная часть которой уже в ноябре была в их руках со всей присущей им практикой насилия и зверств; восстал Ростов; на угольных шахтах властвовали вооруженные анархические массы рабочих; казачьи полки были в состоянии острого заболевания.

Естественно, что наиболее чуткие и активные элементы на Дону не могли спокойно наблюдать надвигающуюся гибель, и таким образом родились партизанские отряды. Роль их очень крупна в истории героической борьбы с большевиками.

Эти маленькие отряды, составленные из офицеров и, главным образом, из учащейся молодежи, малоопытной в военном деле, но сильной жаждой подвига во имя спасения погибающей Родины, — делали поистине чудеса. Неожиданно появляясь, короткими, сокрушительными ударами они несли поражение многочисленному врагу, наступавшему по разным путям к Ростову и Новочеркасску.

Несколько месяцев большевицкие силы, действовавшие от Воронежа и Харькова, не могли продвинуться вперед, будучи парализованы геройскими кучками донских партизан. Росла их слава, творилась легенда об их непобедимости в воображении большевицком и местного населения.

Сотни партизан выросли в тысячи. В рядах врага это создавало панику, в казачьем небольшевицком, но пришибленном событиями населении родило надежду, воскрешало бодрость духа; у большевицанствующих поникало настроение.

Принципиальный противник партизанства вначале, Каледин потом высоко оценил его значение. Нужно знать сурового, холодно-рассудочного и закономерно Каледина, чтобы понять значение той награды, которую он дал славному партизану Чернецову, произведя его из есаулов прямо в полковники.

После смерти полковника Чернецова, блестящего вождя и вдохновителя, партизанство стало хиреть.

Вскоре прозвучал трагический выстрел Каледина и 12 февраля восемнадцатого года Новочеркасск был занят большевиками.

Но партизанство не умерло. Оно с новой силой воскресло в лице „степняков“ Походного Атамана, генерала Петра Харитоновича Попова.

12 февраля „степняки“ оставили Новочеркасск и двинулись в лево-донские степи, чтобы, по образному выражению ген. Попова, „сохранить идею Дона“.

Значение этого события, роли степняков и их вождя, генерала Попова, соответственными донскими кругами впоследствии было сильно затушено из личных и политических соображений. Сколь много было воскурено фимиама перед участниками Ледяного Похода, столь же нарочито мало было уделено внимания „Степнякам“.

Между тем, и по количеству страданий, по высоте подвига и по влиянию на ход последующих событий деяния „степняков“ не менее ценны, чем деяния „первопоходников“, — в иных случаях, пожалуй, и ценнее.

Мы не можем не подчеркнуть, между прочим, одного примечательного акта Атамана Попова.

За день-два перед оставлением партизанами Новочеркасска, из Ростова выступили Корнилов и Алексеев с добровольцами.

В одной из донских станиц состоялся военный совет добровольческих вождей с участием общественных деятелей, российских и казачьих. На этот совет приглашен был и Походный Атаман Генерал Попов.

Использованы были все способы убеждения, чтобы заставить Атамана с его партизанами покинуть пределы Дона и идти вместе с добровольцами.

Обстановка была трагическая, почти безнадежная. Кругом большевицкое море, силы степняков малые, снабжение недостаточное, никакой точки опоры — всюду фронт. Многие участники расценивали поход с точки зрения личного спасения.

Был большой соблазн с „добровольцами“ и, таким образом, увеличить шансы спасения и себя и партизан, — соблазн, подкрепленный высоким авторитетом таких крупных людей, как Корнилов и Алексеев.

Но, генерал Попов от этого плана отказался заявив, что он из пределов Дона не пойдет никуда, что он стремится сохранить идею родного Казачества во имя лучшего будущего.

Нужны были особая спокойность и мужество, чтобы принять такое решение. Генерал Попов проявил не только стойкость, но и исключительную прозорливость и героическую жертвенность во имя родного Казачества.

Дальнейшие события показали, как он был глубоко прав и как был глубоко верен его расчет на быстрое оздоровление Казачества.

Мне пришлось проделать часть похода с „степняками“, а затем, по независящим от меня обстоятельствам, отделиться от них.

И вот тут то, пробираясь в течении двадцати дней по станицам и хуторам, мне пришлось с очевидной ясностью убедиться, какое огромное моральное значение имело наличие партизанского отряда и именно в пределах Дона и как правильно была ставка на быстрое оздоровление казачества.

Под злобное шипение и улюлюканье большевицанствующих, под молчаливую неприязнь умеренных, двинулись „проклятые кадеты“ в степи на свой крестный путь.

Но, прошла неделя, две... Казаки присмотрелись к новой власти — и наступила реакция. „Проклятые Кадеты“ превратились в „наших партизан“. Из уст в уста передаются легенды об их блестящих успехах. Легенда растет. Силы партизан в воображении казаков удешевляются, а вместе с тем воскресает бодрость, родится надежда, что не все еще потеряно. И загорается борьба.

18 марта, через месяц с небольшим после вступле-

ния большевиков в г. Новочеркасск, поднято восстание в Суворовской и Нижне-Чирской станицах. И восставшие и присоединившиеся к ним станицы шлют гонцов к Атаману Попову с просьбой вернуться из степей, поддержать восставших и взять в свои руки руководство движением.

Не будь где то в степях партизан генерала Попо-

ва, не было бы у населения надежды на поддержку. И, кто знает, какой оборот приняли бы последующие события? Восстало бы Казачество или нет? Это вопрос. Может быть, просто бы согнулось без борьбы под гнетом большевиков.

А без этого не было бы и всей эпопеи освободительной борьбы.

*****

О. Долинский.

По поводу юбилейных торжеств в Болгарии.

В середине мая Болгария отпраздновала одновременно две политические годовщины первостепенного национального значения: тысячелетие царствования одного из величайших своих государей — царя Симеона († 927) и пятидесятилетие — своей государственной независимости после свержения многовекового турецкого господства.

Собственно говоря, хронологически эти два болгарские юбилеи отмечены почти с двухгодичным опозданием. Случилось это в связи с внутренним тяжелым положением и особенно с теми естественными бедствиями (катастрофическими землетрясениями), — жертвами каких Болгария была около двух лет тому назад.

В национальном отношении оба эти политические юбилея многозначительны для современной Болгарии, для какой мировая война закончилась столь трагически и послевоенное время было полно тяжелых и мучительных испытаний...

Разбитая милитарно, приниженная морально — эта несчастная страна во истину должна была идти кровавым путем ожесточенной борьбы к своему внутреннему успокоению и к восстановлению своего государственного престижа.

Не будем останавливаться на этих печальных событиях недавнего прошлого. Они слишком хорошо всем памятливы и известны...

Достаточно будет констатировать, что, несмотря на всю превратность своей судьбы после 1918 г., — Болгария, очевидно, начинает оправляться от пережитых внешних и внутренних катастроф.

Можно смело надеяться, что в недалеком будущем она выйдет на широкий путь своей внутренней консолидации и национально-политического возрождения. В этом направлении много уже сделано и немало было достигнуто.

Гарантией успеха Болгарии в этом отношении является необыкновенная жизнеспособность и предприимчивость болгарского народа.

Майские юбилейные торжества, оживляя, великие исторические традиции болгар, вдохновят их для дальнейшей планомерной работы за политическое возрождение и за лучшее будущее своей страны.

Вспоминая свой „золотой век“ — времена своего государственно-политического расцвета в период царя Симеона Великого, — Болгария снова вспомнит свою когдашнюю первостепенную роль на Балканах и почерпнет из этого вечного источника прошлого величия новые силы для национального оздоровления после недавнего государственного своего кризиса.

Это значение тысячелетнего юбилея Болгарии отметил в своей речи и теперешний приемник Симеона Великого, говоря:

— „Мы должны использовать урок прошлого и, избегая его увлечений, культивировать мудрое и вечное, создавшее величавую эпоху, блеск, который ничто не омрачило на продолжении более чем десятивековой исторической нашей эпохи.“

Болгарский народ, гордый тысячелетним языком, глубоко верующий в звезду своего национального гения, будет продолжать в мире создавать свое благоденствие и постарается внести свою долю в сокровищницу общечеловеческой цивилизации и культуры“.

История не баловала Болгарию. „Золотой век“ политического могущества был вскоре сменен рядом сто-

летий тяжелого турецкого ига, одновременно обрушившегося на все христианские народы балканского полуострова...

Только в начале прошлого столетия болгарский народ начал снова осознавать себя национально и политически, стремиться к свержению османского ига...

Кровью восстаний и народных революций записана эта его освободительная борьба на страницах национальной истории.

Только в 1877 г. — полвека тому назад — Болгария выходит, наконец, на путь своей государственной независимости, выступая таким образом, как новый освобожденный на Балканах народ, на арену современной европейской истории.

Но только в 1908 г. — она становится вполне независимым государством.

Освободительная балканская война 1912 г. была для Болгарии периодом великих побед и огромных национальных чаяний, но закончилась роковым конфликтом между союзниками и злосчастным бухарестским миром, лишившим ее лучших результатов и успехов, достигнутых в течении первого, блестящего для нее периода этой противтурецкой войны.

Во время мировой войны Болгария очутилась в блоке центральных государств. Этим предопределена была ее судьба после окончательной победы Антанты. Понятно, версальский мир не мог быть благоприятен для страны и народа, боровшихся в рядах главного противника антантского блока.

Послевоенная история Болгарии, полная подчас героических, но, увы, часто тщетных усилий отстроить и возобновить свой прежний политический и национальный быт, — как сказано было выше, слишком свежа в памяти всех, чтобы нужно было останавливаться здесь над нею.

Всетаки следует отметить, что наиболее критический ее период уже миновал. Несмотря на все внешние препятствия и на внутренние осложнения, Болгария оправляется и недалек час, когда она снова заживет нормальной жизнью, совершенно залечив свои тяжелые раны, которыми превратная судьба так щедро ее наделяла за последние 15 лет.

Не подлежит никакому сомнению, что недавние юбилейные торжества окажут благотворное влияние на измученный долгими и тяжелыми испытаниями болгарский народ, пробуждая в нем веру в лучшее будущее и укрепляя моральное его самочувствие.

Центром этих юбилейных торжеств была древняя столица Болгарии — Преславль, где находилась тысячу лет тому назад резиденция царя Симеона Великого. В историческом и археологическом отношении — это одно из наиболее достопримечательных мест Болгарии.

Здесь открыт был 12 мая т. наз. „золотой храм Симеона Великого“, посвященный памяти великих славянских вероучителей — Кирилла и Мефодия.

Отсюда в теперешнюю столицу Болгарии — послана была эстафета, устроенная болгарскими спортивными организациями, — с священным огнем из резиденции первых болгарских царей. В три часа утра 15 мая она вышла из Преславля и, направляясь по историческим местам (Тырново, Габрово, Шипкинский перевал, столь памятный для новейшей истории Болгарии, затем через Казанлык и Пловдив) — после 8 часов вечера прибыла в Софию.

Значение этого эстафетного бега в национальном отношении было символично. Он наглядно должен был показать историческую преемственность современной Болгарии с той древней — золотой эпохой царя Симеона Великого.

Второй юбилей не менее торжественно праздновался в Софии и в тех исторических местах, которые связаны с событиями освободительной войны 1877 г. Всюду здесь были открыты памятники, отмечающие героическую борьбу болгарского народа за национальную свободу и политическую независимость.

Интересны были грандиозные аллегорические шествия с факелами, из которых первое представляло „золотой век“ Болгарии, а второе недавнюю ее революционную борьбу против Турции.

Кроме разных других торжеств, связанных с этими юбилеями — приходится отметить еще — закладку памятника неизвестному воину перед собором Александра Невского и закладку Научного Естествоиспытательного Института царя Бориса III.

Теперешний царь Болгарии, как известно, большой любитель естествознания и прекрасный энтомолог.

После юбилейных торжеств Болгарию ждет много нерешенных вопросов, тесно связанных с политическим ее благополучием и преуспеянием.

Пожелаем же болгарскому народу в начале нового тысячелетия политически-национального его существования — найти силы и энергию для счастливого и положительного разрешения всех существенных вопросов своего национального и государственного бытия.

*****

Д-р С. Федоров.

К столетию конца второй Запорожской эмиграции.

(6 июня 1775 г. — весна 1828 г.)

Вступивши в 1736 г. в российское подданство, запорожцы ошиблись в своих расчетах; российское правительство желало только использования их военной силы и никогда серьезно не думало сохранить за Войском его государственную автономию.

В зависимости от того, как менялись особы на царском престоле, часто бывшие пешками в руках временщиков и царедворцев, менялись и отношения к Казачеству. Но всегда и при всех обстоятельствах, прикрываясь Запорожьем от татар, российское правительство систематически закрепляло за собой степь, колонизировало ее рядом укрепленных линий и поселенными войсками. Снова проводилась политика окружения Запорожья и, в конце концов, оно было „убрано в мешок“.

Только первое время Запорожье жило сравнительно спокойной жизнью, но потом оно подняло отчаянную борьбу, отстаивая свои права и вольности. Казаки боролись и силою юридических доказательств, и историческим правом, и применяли подчас оружие. Ничто не помогало.

„Плуг“ уже надвинулся на „степь“ и правительство всегда поддерживало всевозможных колонистов против споконвечных хозяев своих земель — запорожцев.

Дни Запорожья были сочны. Сичь вела хитрую политику — пускала в ход всю свою дипломатию, подкупы, соглашалась на коренное изменение уклада жизни, верой и правдой служила царям и царицам в войнах, но тем не менее, не отдала своей судьбы.

5-го июня Сичь тайно была окружена, „атакована“ как говорили запорожцы, московским войском, возвращающимся из похода в Турцию. Кошевой и войсковая старшина арестованы и сосланы в Сибирь и Соловки. Войсковые земли, имущество, табуны конфискованы и розданы поселенцам, а самое имя казачье запорожское запрещено было упоминать „на веки“.

Царица обвиняла запорожцев в сепаратизме и желании создать свое независимое государство.

Злая судьба постигла Запорожье. Сичь на Пидпильной была разрушена до основания; повторилась история 1709 года, и теперь, как и тогда, не щадили ни зданий, ни церкви, ни могил покойников.

5.000 казаков, из числа находившихся в Сичи, в ночь на 6-е июня 1775 г., взяв из церкви запрестольный образ, некоторые знамена и клейноды, избрали себе походным атаманом наказного Ляха и вырушили в лодках „під турка“. Находившиеся на Великом Лугу казаки отправились туда же „суходолом“. Запорожцы шли на Дунай, куда не простиралась царская рука.

Партия „турецкой зверхности“, сильная во времена кошевого Гордиенко и почти упавшая в первое время Новой Сичи, в последние 15 лет снова приобрела сильное значение.

Это был период „растаскивания“ запорожских прав и земель, в который не раз раздавались решительные

голоса, призывавшие к уходу „під турка“ еще задолго до разрушения Сичи.

Теперь же Казачество стекалось со всех концов к Аккерману, где Войско стало Кошем, восстановило куренную организацию и отправило посольство к султану с просьбой принять их под свою протекцию и отвести земли для поселения.

Султан оставил запорожцам все их автономное внутреннее устройство и отвел им остров св. Георгия в гирлах Дуная, с рукавами Сулинским и Георгиевским, степь на южной протоке Дуная возле лимана Разина.

Кошевой получил достоинство двухбунчужного паша, а Войску были даны новые регалии, освященные Константинопольским патриархом. В обязанность их входило содержание кордонов по российской границе — р. Бугу.

Таким образом, запорожские владения фактически очутились рядом с их оккупированными Россией землями.

Новые земли были почти безлюдны и пустынно, обитавшие там татары разбежались во время войны 1769-75 г. г. на Кубань и в Ногаи.

Через год там уже сидело около 7.000 казаков и число их непрерывно возрастало.

Российское правительство скоро создало свою „ошибку“ преждевременного уничтожения Запорожья и не раз, уже с 1778 г. начало через Потемкина и царскими манифестами зазывать казаков из за Буга и Дуная, но запорожцы не шли. Им было хорошо известно, что на землях Запорожья было введено крепостное право и много казаков, оставшихся там, было обращено в рабов или зачислено в регулярное войско.

Россия очень тревожилась от так близкого соседства Запорожцев. После того, как они не пошли на манифест, призывавший к возвращению, царица обратилась в 1779 г. к Турции с требованием выдать запорожцев России, но султан ответил отказом. Тогда СПб стал домогаться удаления их подальше от российских границ и запорожцы были отозваны от Буга на Дунай.

Там уже к этому времени осело ушедшее с р. Кубани и кубанско-черноморского побережья Великое Войско Кубанское, состоявшее главным образом из эмигрировавших при царях Алексее и Петре I донцов (Некрасовцы).

В первое время запорожцы и кубанцы жили между собой мирно, но вскоре, на почве владения землями и промыслами и, как поясняли осевшие в Малой Азии кубанцы, из за недостатка женщин, начались крупные недоразумения и даже форменная война.

В 1785 г. кубанцы напали на Сичь и сожгли ее, а запорожцы стали готовиться к войне. Тогда султан, желая избежать кровопролития, приказал запорожцам перейти в Сеймены — местность между Силистрией и Рущуком.

Обиженные запорожцы обратились к австрийскому императору Иосифу II, с просьбой принять их под свою руку и дать Войску земли.

Слава запорожцев давно уже была известна австрийцам еще с XVI стол., старавшихся использовать их в борьбе против турок.

Казакам отвели земли в тогдашних венгерских, а теперь сербских провинциях Бачке и Банате, около р. Тиссы, между гор. Центы и Панчево. Туда, в конце 1785 г., перешло 8.000 казаков, преимущественно неженатых. Они сохраняли свое право, суд и устройство и обязывались во время войны выставлять конницу и речную флотилию.

Около 7.000 же душ, преимущественно семейных осталось в Сейменах.

В свою очередь и российское правительство начало собирать запорожцев в „Войско верных казаков“, получившее потом название Черноморского. Полковник Чепига, в 1788 г. получивший пернач от Потемкина, и Сидор Билый не раз ездили за Буг уговаривать дунайцев вернуться в Россию. Задунайцы не верили обещаниям Потемкина и только небольшая часть их пришла в Прогнои к Билому.

Настала русско-турецкая война и запорожскому Казачеству не раз приходилось встречаться друг с другом на поле ратном и на море, однако они „дурили і турків і москаля“, — встречались, братались, ездили друг к другу в гости, что чрезвычайно беспокоило российское командование.

В войне 1787-91 г. г. принимала участие и Австрия, а вместе с нею пришлось воевать и сидевшим на сербских землях запорожцам, против турок.

О жизни их в Австрии почти ничего неизвестно. Пробывши там около 20 лет, в 1804-5 г. г. казаки вернулись в гирла Дуная, в Сеймены, к Задунайскому Кошу.

Очевидно земельная теснота, отсутствие степей и плавень, оторванность от своих и австрийские порядки принудили их возвратиться в Кош.

Часть из них, не хотевшая служить басурманскому царю, пошла через Венецию на остров Мальту и присоединилась там к рыцарям мальтийского ордена.

Задунайские запорожцы сохраняли Войсковое устройство, но сидели уже не Сичью, а по „землянках и бурдюгах“, принимая семейный быт. Число их возросло — казаки женились, к ним приходило пополнение с Украины и Кубани. Черноморцы, переселенные на Кубань в 1792 г., часто не выдерживали нового режима и уходили, по старому казачьему способу, морем на Дунай, к своим.

Дунайским запорожцам пришлось опять принять участие в войне 1806-11 г. г. против России. Казаки воевали не охотно, избегали боя, сдавались в плен. Пленных запорожцев отправили в сибирь, а по окончании войны возвратили в Турцию.

Часть задунайцев во время войны перешла на русскую сторону и из них было создано малочисленное Буджацкое и Усть-Дунайское Войско 20-го февраля 1807 г.; оно было расформировано еще перед окончанием войны.

Усиленное возвратившимися из Венгрии казаками Дунайское Войско стало готовиться к войне против Кубанцев (некрасовцев), желая подчинить себе все земли.

Упорная борьба длилась два года и закончилась в 1814 г. Запорожцы вышли победителями, часть некрасовцев осталась в Добрудже, другая выселилась в Малую Азию.

После этого, Задунайцы упорядочили свою организацию по типу старой Сичи и устроили ее на р. Верх. Дунаец, среди старых гениузских окопов, обновленных побежденными некрасовцами, имевшими в этом месте центр своего Войска. Окружающая местность с селами и зимовниками была разбита на паланки, находившиеся под Сичевым управлением.

В жизнь запорожцев входил семейный порядок и в 30-х г. г. XIX ст. кошевым Атаманом был уже избран женатый казак Осип Гладкий. Семейные тяготели к России, а они имели решающее значение в Раде; старые, матерые сичевики вымирили.

Завелось хлеборобство и наемный труд; главными же занятиями были рыболовство и охота.

В 1817-18 г. г. по султанскому приказу полк запорожцев ходил усмирять восстание сербов. В это же время казаки, 600 чел., строили в Стамбуле шлюзы.

Вскоре в Турции началось восстание греков. Запорожцы, имевшие на Афоне свой монастырь, были в близкой связи с греками и не только не выступили против них, но под влиянием присланного с Афона агитатора архим. Филарета несколько сот их вернулось в Россию.

Зато потом другой архимандрит, б. кошевой атаман Мороз, услышав о войне, прибыл в Сичь, снял рясу и митру и, опоясавшись саблей, пошел наказным атаманом в поход против греков. Судьба их была несчастлива: на обратном пути греки взорвали корабль и все 600 казаков с Морозом утонули. Случай этот казаки считали божьей карой за пролитие христианской крови и он повлиял на казаков в ближайшей войне с Россией 1828 г.

Перед ее приближением русские призывали запорожцев вернуться в их подданство. Кошевой Гладкий вошел в переговоры и стал, с семейными казаками, подготавливать переход под царскую руку. Старые запорожцы были против. Тогда Гладкий решил поставить их перед фактом. Пользуясь тем, что запорожцы не желали выставить 13.000 бойцов против России и разбежались по плавням, он, с 2.000 несогласных с ним, отправился к паше в Силистрию и удалил их этим из Сичи. Вернувшись сам в Дунаец, Гладкий взял престол из церкви, и войсковые регалии и с несколькимистами сторонников прибыл морем в Измаил (русский), где и явился царю Николаю I, вручивши последнему регалии и грамоты султана и австрийского императора.

Царь объявил свое прощение. Казаки приняли участие в войне, а по окончании ее, осели как особое Азовское Войско около Бердянска.

Азовцы уже не имели запорожского устройства. Гладкий — генерал и наказный атаман — стал обыкновенным помещиком. Казаки разбежались, многие из них вернулись в Турцию. В 1865 г. Азовское Войско было расформировано и влито в Кубанское (новое).

Когда Задунайцы узнали про поступок кошевого, то, боясь мести турок, бросились в разные стороны, многие поплыли в Россию, но еще до прихода турецкого войска на казачьи селения бросились молдоване и молokane и занялись грабежом и убийствами, отлачивая за старые „притеснения“ бывшим хозяевам земли дунайско-запорожской.

Находившихся в Силистрии казаков турки обезоружили и сослали в тюрьмы крепости Адрианополя.

По окончании войны султан отвел им земли вдали от российских границ, за Салониками на берегу Эгейского моря и хотя земля была хорошая, но казаки не желали оседать там, они просили у султана земель хотя бы в Малой Азии, но у Черного моря.

Просьба их удовлетворена не была и казаки вернулись в Добруджу, где расселились обыкновенными поселениями. Войска более не существовало. Войсковая эмиграция закончилась 1828-м годом.

Этот короткий очерк лишней раз показывает, как нельзя Казачеству верить всевозможным обещаниям различных владетелей, в интересы которых входило только распыление и ослабление Казачества и создание такой обстановки, в которой оно служит чужим интересам, выступая братоубийственно само против себя же.

Вероломное предательство Атамана Гладкого из за почестей генеральских и сытого помещичьего житья, погубило сто лет назад многочисленное Войско Запорожское Дунайское и лишило прибежища казаков, недовольных российскими порядками. Коварная же политика российской дипломатии в Турции вела к тому, что и турки создавали невозможные условия Войсковому существованию; селя два государственных организма на одном клочке земли, науськивая одних против других, они делали здесь то же злое дело.

Казачество и из истории минувшей эмиграции и из опыта теперешней должно делать единственный вывод — необходимости ориентации только на самих себя.

Думы и мысли.

Размышления о докладе Г. ф. Фальчикова.

Союз казаков, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР, устроил 1-го сего июня доклад Г. Ф. Фальчикова на тему: „Удачи и неудачи казачьих объединений“.

Докладчик цель и задачу своего доклада определил так: возбудить интерес, создать настроение. Средства — учесть неудачи, ошибки и промахи в прошлом и сделать соответствующие выводы. Но цели своей г. Фальчиков не достиг, средства оказались неудачными, а от вывода докладчик или уклонился сознательно или оказался не в состоянии их сделать; вывода мы не услышали.

В настоящий момент, — говорит докладчик, — нет в казачьей эмиграции объединяющего, крупного, значительного центра. Как найти путь к такому объединению — вот практическая цель, конкретная задача всех казаков. В чем заключались ошибки объединений в прошлом? Постоянно подчеркивался один момент, в одних случаях, м. б., положительный, но в деле объединения, положительного строительства — отрицательный, а именно — все строилось на каких-то (?) казачьих особенностях, не определяя, в чем заключаются эти особенности. Существовавшая политическая организация „Союз Возрождения Казачества“ пыталась определить эти особенности, пытается делать это и Вольное Казачество.

По своему происхождению, — докладывает г. Фальчиков, — Казачество является представителем не русского или украинского народа, а русского (?) народа. (Особая этническая категория по теории г. Фальчикова. К такой категории относилось понятие „австро-венгерского или габсбургского народа“, представителем коего, по логике Фальчикова, являлись, например, чехи и т. д. или индусы и арабы являются представителями „Британского народа“. Ш. Б.) По своему социальному положению Казачество является военно-земледельческим классом, внутри — трудовая демократия. Но, определение природы Казачества не входит в тему докладчика (а какой смысл всех рассуждений без определения, знания природы Казачества? Ш. Б.). Его задача выяснить причину неудачи объединения и искать новых путей для нового объединения.

Что нужно для этого? Сейчас важна общая цель, всех объединяющая, которая была бы дорога для всех казаков. Частности не нужны, их нужно отбросить.

В период Вр. Правительства, — продолжает докладчик, — главные основные вопросы разрешались в общегосударственном масштабе. Съезды, Круги, Рады занимались, т. с., домашними, второстепенными вопросами (для г. Фальчикова Съезды, Круги, Рады, да и само Казачество действительно второстепенный вопрос, а отсюда понятны и естественны все его рассуждения о Казачестве. Ш. Б.). В период развала объединялись на отрицании. Коль скоро ставился вопрос: за что? объединения уже не было. Пафос объединения достигался только на отрицании. Была единственная запоздалая попытка разработать положительные задачи, это — Юго-Восточный Союз (докладчик здесь делает исторический ляпсус: это был первый опыт объединения в 1917 г., кроме Совета Союза Казачьих Войск. Ш. Б.).

И эти объединения на отрицании по инерции продолжались и в эмиграции. Лозунги эмигрантских объединений: против удушения казачьего духа, за возрождение (но, возрождение уже не отрицательный лозунг. Ш. Б.); против уничтожения, за сохранение; против рассказывания и т. д. (эти лозунги тоже отнюдь не „отрицательные“, как думает Фальчиков. Эти лозунги весьма сложного содержания, как сложна всякая борьба за Народ, за Области, имеющие цельный историческо-общественный, культурный облик, содержание. Ш. Б.).

В чем заключаются отличия, особенности самостийников от других казачьих организаций? — задает докладчик вопрос. И отвечает: ставится определенная цель, а все остальное отбрасывается. Какая это цель? Барба всеми средствами против большевиков. (Это или полное непонимание природы самостийности-независимости или нарочито суженное толкование для публики.

Ш. Б.). В этом весь пафос попытки самостийников. Опять отрицание, нет положительных задач. Целевое устремление. Цель, м. б., благородная, но нет настоящего объединения (очевидно, объединение, неприемлемое для г. Фальчикова не есть объединение. Ш. Б.).

Из всех конкретных попыток к объединению казачьей эмиграции, по мнению Ф-ва, более удачными оказались: экономическая организация Общеказачий С.-Х. Союз и политическая организация — „Союз возрождения Казачества“. (Эти организации были „удачными“ лишь до известного момента, наступившего около 5 лет тому назад и совпавшего с „политикой“ г. г. Фальчикова, Сидорина и др. Ш. Б.). По мнению докладчика, „Объединенный Совет Дона, Кубани и Терек“ с устаревшей, в связи с изменившимися условиями жизни, декларацией ничего не стоит. А о „так называемом бытовом Союзе“ и говорить не стоит. (Не потому ли, что не нравятся г. г. Фальчиковым, Харламовым и их единомышленникам? Ш. Б.).

Вообще сама эмигрантская обстановка неблагоприятствует созданию жизненного (?) объединения. У людей запаса энергии много, но нет приложения, нет разряда. Машина работает на холостом ходу. Но, несмотря ни на что, не взирая на все препятствия, мы должны искать таких путей, которые привели бы нас к положительным результатам. Слишком мало внимания уделяется в казачьей среде постановке казачьего вопроса, а если кто и ставит, то неправильно. (С большой головы на здоровую: именно та „казачья“ общественность, к которой принадлежит докладчик, как раз и уделяет мало внимания казачьему вопросу, ибо он, по их мнению второстепенный. Им нужны вопросы „общегосударственные“, „общероссийские“. Ш. Б.).

В. А. Харламов говорит, что на одних казачьих особенностях объединяться нельзя. Эти особенности способны только к объединению... в кабаке за чаркой водки (удивительное понимание казачьих особенностей в голове б. Председателя Д. В. Круга. Ш. Б.). Местничество, обособленность, связывает, суживает рамки, тесно... На авторитарности атаманского звания — икона, глядя на которую кто-нибудь из нас, м. б. в неделю раз и перекрестится, — но на этом нельзя строить что-нибудь живое. Держать казачью массу на психологии последнего приказа — преступление. На этой психологии строятся все попытки атаманские. Эту психологию нижнего чина я нашел в „В. К.“, статьи которого я внимательно прочитываю, в противатаманской статье Кудина, героя Верхне-Донского восстания. С указанием докладчика, что удачными были только попытки объединения в „Общеказачьем С. Х. Союзе“ и в „Союзе Возрождения“ я вполне согласен, потому что они исходили от самой казачьей массы. (Видимо совсем отшибла память г. Хар-ва, если он так понимает историю возникновения СВК и ОСХС. На призыв создателей этих организаций отозвалось значительное количество казаков и только политика г. г. Харламова, Фальчикова, Васильева и им подобных отвратила массу от указанных организаций. Было и не так давно время, когда между этими представителями „русского народа“ легла моральная преграда и Фальчиков с друзьями ходил в полицию с жалобой на „антиобщественную политику“ Харламова и Васильева В. Т. Ныне, когда Вольное Казачество стало делать чисто казачью политику, заговорило казачьим языком, они во имя „общероссийских интересов“ объединились против казачьей политики. И теперь неизвестно: или одни морально исправились или другие морально опустили. Ш. Б.).

Мы, казаки, — продолжает Харламов, — не из особого теста сделаны. Политическое разномыслие есть и будут. Их нельзя прикрыть одним словом „казак“, этого очень мало. Мечтать о каком-нибудь широком общественно-политическом объединении не стоит, это невозможно, не в наших силах. Но это не должно мешать культурно-экономическому, правовому объединению...

Г. Вихлянец причину всех кризисов казачьих организаций видит не в недостаточности казачьих особенно-

стей, а в русской психологии, в слишком большой русскости казачьих деятелей. Поэтому (?) предлагает объединиться всем казачьим организациям, исключая Вольное Казачество „на Ягелонской, 24“...

В. Т. Васильев много говорит о достижениях казачьих организаций, участником в работе которых он сам был. (О его деятельности в качестве члена Донского Правительства донцы знают хорошо. Ш. Б.).

В. Д. Белый отмечает неудачу попыток казачьего объединения в эмиграции. Военная каста (?) объединилась на отрицании, но ничего не сделали и наши политические лидеры. Что положительного дали наши общественно-политические деятели военным, которые несли главную операцию на территории Д., К. и Т.? Могут сказать, что они добились суверенности Дона и Кубани „впредь до“. Да верно, это было хорошее достижение. Но что было положительного в самих этих деятелях? Они не дали ничего положительного, вокруг которого казаки могли объединиться. Основная ошибка заключается в оторванности этих деятелей от массы. Не пытались подходить ближе к живой массе интеллигенции, не сумели привлечь ее к творческой работе, не использовали ее энергии, порыв... Если этой связи не будет и в дальнейшем, то не будет и объединения. (Радикально, но слишком суммарно, отвлеченно, а потому бессодержательно. Ш. Б.).

Г. Глазков в своем пылким „страшным“ выступлением против Вольного Казачества „на Ягелонской, 24“ приводит в веселое настроение аудиторию. Бедное дитя не понимает, в какое жалкое и смешное положение ставит самого себя своим сумбурным выступлением.

И. П. Кохановский в причину неудач казачьих организаций видит в текучести казачьей массы — сегодня здесь, завтра там. (Спрашивается, а что же делали те, которые сидели на одном месте, не растекаясь? Ш. Б.).

Так почтенные и пылкие люди вкупе сидели, беседовали и работали на „холостом ходу“ в течение трех часов. Докладчик цели своей, понятно, не достиг — интереса не возбудил, настроения не создал. И не от чего было создаваться этому настроению, ибо по утверждению самого докладчика, в казачьей общественности ничего хорошего не было в недалеком прошлом, ничего привлекательного нет и теперь, за исключением „Союза Возрождения“, руководителем которого является он. Только теперь нужно искать это хорошее. А найдем ли — это, мол, большой вопрос. И, конечно, такой доклад не только не способен возбудить интереса, но способен потушить, убить и последний интерес, в ком он еще сохранялся. Сам докладчик сказал, что „все содержание моего доклада приводит к самым пессимистическим выводам“, но он „не хочет быть пессимистом“. (Какой упрямый!)

Он много раз повторял, что желает быть объективным. Но из всех существовавших и существующих казачьих организаций докладчик назвал удачными только две: „Общеказачий С. Х. Союз“ и „Союз Возрождения“, одним из участников которых он сам является. Если принять во внимание „удачность“ этих двух организаций, заключающуюся в том, что первая с самого начала своего зарождения непрерывно переживая один кризис за другим, ныне доживает свои последние дни, а вторая — после бесконечной внутренней борьбы раскололась на части и ныне оставшиеся в ней несколько человек нашли тихую пристань себе под материнским крылом российских эс-эров, — то станет совершенно ясной его „беспристрастность“.

На девятом году эмиграции Фальчиков взялся за ум и, укрепившись на эс-эровских укрепленных позициях, собирается искать новых казачьих путей, новую казачью цель, способную привлечь внимание казаков, ищет положительных задач. Но это называется ломиться в открытые двери.

Такая высшая цель уже существует, она привлекает внимание всех казаков, создает подлинное казачье настроение, пафос. Ярким подтверждением этого является объединение вокруг Вольного Казачества сотни молодых пишущих казаков, чего не достиг ни один каза-

чий печатный орган, и те сотни признательных писем, которые получает редакция от казаков из всех углов земного шара.

И в самом деле.

Задача восстановления независимой казачьей государственности, разрушенной московской оккупационной властью, — положительная это задача или нет?

Попытка, м. б., несовершенная, разработать социально-экономические, земельные, общественно-культурные вопросы под углом зрения чисто казачьим, — положительная задача или нет?

Попытки добросовестно разобраться в историческом происхождении Казачества и уяснить себе его национальную и социальную природу и, уяснив это, на прочном фундаменте возводить казачье государственное строительство, — положительная задача или нет?

И т. д. и т. п.

Все это докладчиком называется „частностью“. Ему нужен „общероссийский“ размах, „общегосударственный“ масштаб, ибо он слишком „велик“ для того, чтобы вложиться в казачий масштаб. Этот человек своим умом дошел до того, что не стесняясь, говорит о „каких-то“ казачьих особенностях. Другой „отец казачьей демократии“, Харламов, говорит, что эти „так называемые казачьи особенности способны объединить казаков только в кабаке за чаркой водки“. Он называет преступлением атаманский метод объединения казаков, но мы можем сказать: избави Боже от Харламово-Сидорино-Васильевской „демократии“...

Эти люди под тяжестью партийного хомута, состоя одни „при эс-эрах“ другие „при эр-деках“, ослепленные партийной доктриной, сознательно не хотят видеть ясную и простую, всем казакам понятную, для каждого казака священную цель освобождения и возрождения Вольного Казачества. При таком сознательном отворачивании от этой ясной казачьей цели никакие поиски не приведут ни к какой другой цели, ибо другой казачьей цели нет. Вот почему получалось и будет получаться „каждый раз на эфтом самом месте“ — „холостой ход“. Никакие изощрения, никакая словесная диалектика г. г. Фальчикова, Харламова, Васильева со присными не приведут ни к чему, ибо нет у них цели, а все делается, по выражению Фальчикова, „от случая к случаю“.

Вольным Казачеством ясная цель поставлена, определенные веки намечены. Не „частности“, не „детали“, а именно цели наиглавнейшие. Поэтому необходимо всем казакам объединиться, общими усилиями, идя по этим векам, сооружать отдельные части Великого Казачьего Дома, чтобы придя „туда“, быстро построить его, а не хныкать на разных докладах, что у нас ничего нет, ничего не сделано.

Прошло уже 9 лет, в руках г. г. Харламова, Фальчикова, Сидорина и Ко были все карты, казаки своим именем подпирали их, но ничего они не сделали. Мало того, в душу простого казака своими постоянными предвыборными „комбинациями“ внесли яд сомнения, вселили пессимизм, убили веру казачью. Общественным скопцам не дожидаться общественного плода...

Для того, чтобы достигнуть какие-нибудь осязательные результаты, чтобы создать что-нибудь живое, жизненное, сами делатели этого дела должны иметь некую высшую Цель, высшую Идею, ею постоянно изо дня в день жить, гореть. Этим своим горением, бескорыстным, жертвенным служением Идее зажигать сердца других, воспламенять коллективную душу казачьей массы, порождать и укреплять в них восторженную веру...

У казачьих демократических „лидеров“ типа г. г. Фальчикова, Харламова, Васильева и т. д., ныне собирающихся искать цель для своей работы, этого бескорыстия, этого необходимого жертвенного служения Идее нет, у них и не было этой Идеи, в чем ныне они сами признаются. Вся их работа, вся их „деятельность“ заключалась лишь в игре организацией и в организации, захвате в ней власти и разыгрывании в ней роль „большого“ деятеля.

Но, не довольно ли „игры“?

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Английские выборы.

Напряженная атмосфера выборов в Англии разрядилась. Первые телеграфные сообщения, в час когда еще по 18 выборным округам сведений не поступило, принесли весть о победе рабочей партии. Рабочая партия получила 289 мандатов, консерваторы 253 и либералы 50. При таких цифрах результаты выборов в 18 округах значения иметь не будут. Говорят, что лидер рабочей партии Макдональд огроменно сознался своим друзьям, что не ожидал таких успехов от своей партии. Если подсчитать выигранные в сравнении с последними выборами голоса рабочей партии (129) и голоса потерянные консерваторами (139), то недооценивать успеха Макдональда, конечно, нельзя.

Предвидеть исход английских выборов было трудно, как трудно вообще точно учесть психологию и настроение масс. Неудовлетворение политикой консерваторов уже давно ощущалось в стране довольно ясно. Слишком много болезненных вопросов оставалось неразрешенными. Народная английская рана — безработица — зияла по-прежнему. Поскольку все трудные проблемы современного положения Англии могут быть разрешены быстро и безболезненно, — об этом избиратель обыкновенно не думает. Винить правительство во всех переживаемых бедах, — это уже в крови всех людей. В этом сила всякой оппозиции. В этом была слабость консерваторов. Они не могли обещать ничего нового, они сулили лишь продолжать уже начатое. Рабочая партия сулила „новое“. Она обещала начать постепенную национализацию шахт и копей, обещала широкие кредиты Лиге Наций и Международному Бюро Труда, обещала не повышать пошлины, ликвидировать безработицу организацией государственных работ, организовать торговые сношения с СССР и т. д. Журавель в небесах всегда привлекал сильнее, чем синица в руках. Так или иначе, но на обещания, на сей раз вообще даже умеренные массы пошли.

Трудно производить заранее оценку всех этих обещанных благ для Англии. Положение Англии слишком серьезно, чтоб можно было недолго думая принимать те или иные рецепты для спасения. Но вот другое дело, поскольку рабочая партия сможет технически проводить все свои начинания: самостоятельного большинства в палате она все же не имеет. Перед Англией разворачивается перспектива тех „парламентских мук“, какие переживают страны Европы, не имеющие в своих законодательных палатах твердого и абсолютного большинства. Рабочая партия будет иметь перед собой

оппозицию консерваторов, получивших в общей сложности почти на 200 тысяч голосов больше, чем партия победительница: лишь благодаря особенностям английской избирательной системы партия Макдональда получила большинство мандатов. Собственно говоря Макдональд в такое положение попадает уже вторично, но при победе рабочей партии в 1924 г. ему была обеспечена поддержка либералов, имевших в то время в парламенте 158 голосов. Теперь же еще большой вопрос, в чью сторону склонится либеральная партия во главе с Ллойд-Джорджем. Да в чью бы сторону она и не склонилась, все равно ее симпатия может быть куплена лишь ценой огромных уступок и компромиссов. Получается парадоксальное явление: наислабейшая партия, получившая лишь 50 мандатов, будет держать в своих руках парламент. В результате борьбы консерваторов и рабочих выигрывает сидящий на двух стульях Ллойд-Джордж! Во всем этом мало успокоительного для будущих судеб Англии.

Так же мало хорошего для Англии может быть перемена в „советской политике“. Мнение о том, что ближайшим результатом победы рабочей партии будет восстановление дипломатических сношений Англии с СССР, несколько преувеличено. Случиться это может, но неожиданно в этом никакой не будет, но все же характерно, что сам то Макдональд в своих предвыборных программных речах упорно избегал давать какие либо связывающие в этом вопросе обещания, представляя это делать своим соратникам по выборной кампании. Кроме того нельзя обойти молчанием, что коммунисты в будущем парламенте не будут иметь ни одного голоса: раньше имели 1, теперь и его потеряли. Далее, наконец, понятие „рабочей“ партии совсем не тождественно с соответствующим понятием на континенте: это совсем не то же что социал-демократия, или партия приверженцев марксизма. В своей программе она имеет лишь один чисто социалистический лозунг: национализацию копей. В остальном это скорее программа последовательных прогрессистов, подчеркнута отмежевание от „большевизма“.

Т. обр. победа рабочей партии совсем не должна быть понимаема, как победа крайних левых элементов с симпатиями в сторону Москвы. Если в ближайшем будущем Англия и станет на путь „сближения“ с СССР, то это совершится лишь под флагом решения вопроса о безработице и искания для английской промышленности новых рынков, но отнюдь не из-за „родства душ“ английской рабочей партии с коммунистами. А если так, то, конечно, после первых же опытов отрезвление наступит не замедлит.

В СССР.

Восстание в Туркестане и казаки.

Затяжная борьба между большевизмом СССР и Английской Империей, в разнообразнейших видах ведущаяся на всем Азиатском континенте, вступила, по видимому, в новую, весьма интересную для нас, стадию.

После недавнего решительного разгрома, достигнутого большевиками в Китае, большевики сделали попытку непосредственного удара по Ахиллесовой пяте Английской Империи — сказочной, многомиллионной Индии. Частые и эффектные вспышки противанглийских восстаний в Индии, концентрация советских войск в южном Туркестане и, наконец, вполне подобная китайской, неразбериха в буферном Афганистане — вот внешние проявления скрытой борьбы, окончательный исход которой, сейчас еще трудно предвидеть.

Нынешнее положение таково, что стремительные атаки большевиков в различных секторах борьбы в Афганистане — Индии, английский государственный и военный аппарат не только с успехом отражает, но и

заставляет большевиков пятиться на советскую территорию — в Туркестан.

Европейская пресса сообщает, что в Туркестане никогда не прекращавшаяся война с большевиками „басмачей“ принимает в последнее время чрезвычайно широкие размеры. Операциями басмачей, носящими вполне планомерный характер, руководит туркестанская эмиграция, имеющая свой центр на территории Афганистана. „Сепаратистическое“ движение туркестанских националистов настолько угрожает самому существованию советской власти за Каспием, что Всесоюзный Совнарком в экстренном порядке вынужден разрабатывать меры к усмирению восставших. Советский фронт внешний — Индийский, таким образом, превратился во фронт внутренний противотуркестанский. Большевики с огромной досадой констатируют поддержку туркестанского восстания Англией, снабжающей „басмачей“ современным оружием и снаряжением. В связи с так наметившейся неудачей новой большевицкой „индийской“ авантюры, мы вероятно скоро будем свидетелями новой прессы против „империализма междуна-

родной буржуазии“, против „интервенции“ в райскую жизнь „единственного социалистического государства СССР. Подкупленной за деньги Коммунистического Интернационала прессе будут рьяно вторить те, ничему не научившиеся, озлобленные в собственном бессилии, российские эмигранты, которые рады видеть любезную их сердцу единую — неделимую, хотя бы даже в неприятных формах теперешнего СССР. Уже и теперь одновременно с фальшивыми криками большевиков „Руки прочь от Туркестана“, слышится в эмигрантских „Днях“ истерический визг бывшего Главковерха А. Керенского...

В разыгрывающихся событиях для Казачества важны следующие моменты: 1) борьба переносится в непосредственную близость Казачьих Земель; 2) борьба в Туркестане связана с общими интересами противосоветской борьбы системы народов от Балтийского моря

до Гималайских гор; 3) Казачество в сознании борющихся в Туркестане народов проявляется, как отдельный государственно политический фактор, актуальный и дружественный. В этом смысле обращает на себя внимание приведенное недавно во всей европейской прессе распространяемое среди населения воззвание руководителей туркестанского восстания. Призывая население к повсеместному свержению советской власти, руководители восстания заявляют, что у восставших туркестанцев нет каких либо агрессивных намерений и вражды к самому русскому народу. Отдельно воззвание обращается к северным соседям Туркестана — Казачеству Семиреченскому и Яицкому с просьбой поддержать восстание против общего врага и установить добрососедские отношения.

Т.

Казачья эмиграция.

Памяти Ю. Ф. Гончарова.

С покойным Ю. Ф. Гончаровым я встретился на проверке голосов в Донском Кадетском Корпусе, эвакуированном из Новороссийска в Измаилию (Египет).

Сначала, ввиду болезненного состояния сердца Ю. Ф., я было не хотел брать его к себе в хор, но последний упорно настаивал о зачислении его в певчие. Я, наконец, уступил его просьбам и решил прослушать его голос. При проверке я натолкнулся на альт, редкой красоты.

„Макака“, как в шутку называли кадеты Гончарова, за его маленький рост, оказался очень способным певчим, он быстро освоился со своей хоровой партией и вскоре стал ее солистом.

В нашей домашней корпусной церкви он не раз выступал с чтением „шестопсалмия“ и своим гибким, проникновенным голосом приводил в умиление молящихся...

Оценили покойного Ю. Ф. и в Иерусалиме, куда в 1921 г. мне пришлось совершить паломничество вместе со своим хором.

Ю. Ф. был не глупый, не по летам серьезный, и, несомненно, религиозный юноша, отчего он быстро завоевал симпатии многих русских монахинь и монахов Иерусалима.

Пение его, а особенно чтение трогали до слез благочестивых старушек, постоянных посетительниц наших многочисленных Иерусалимских богослужений. Особенно он понравился иеромонаху, о. Тихону, к которому вторично ездил из Измаилии.

Покойный Ю. Ф. пользовался большими симпатиями и у преподав.-воспитательского состава корпуса, который видел в нем скромного и талантливого кадета.

Н. В.—н.

Поездка донских кадет в Иерусалим.

(Окончание).

Осмотрев главнейшие святыни и достопримечательности Иерусалима, кадеты посетили и Вифлеем. От Иерусалима до Вифлеема — 11 километров. Поехали мы туда в автомобилях, но до самого селения не доехали, так как автомобили, в 2-х километрах от Вифлеема, принуждены останавливаться: в этом месте дорога разрушена снарядами во время войны. Остановились возле еврейской часовни с гробницей Рахили, любимой жены Иакова. Отсюда пошли уже пешком.

В Вифлееме главной святыней является Храм Рожд. Хр., построенный во времена царя Константина и царицы Елены и сохранившийся в первоначальном виде до сих пор. Перед храмом расположен арабский базар. Это действует неприятно.

Место Р. Хр. находится внизу, в пещере. Там мы поцеловали то место, где стояли ко-

гда-то ясли с младенцем — Христом, и пошли осматривать смежное помещение, принадлежащее католикам. Там ничего особо достопримечательного нет, кроме подземных лабиринтов с гробницами некоторых святых (Иероним, Павел и др.).

После осмотра этого храма, пошли в ближайшее селение „Бет-Джала“. Селение это очень большое, населено православными арабами. Здесь нас ожидала торжественная встреча. Жители выстроились шпалерами у входа в селение. Шериф и другие должностные лица приветствовали нас по-арабски и преподнесли хлеб-соль. Нам повели прямо в главную церковь (их в Бет-Джале три). У входа один араб обратился к нам с небольшой приветственной речью, сначала по-русски, а потом по-арабски. В переполненной до откажу церкви мы отслужили молебен (Боже, сколько нам приходилось петь!) После молебна другой араб произнес большую... политическую речь. Когда потом выходили из церкви, арабы чуть было не разорвали нас на части от... избытка чувств (никогда не слышали хорошего хора, а тут еще и речь подогрела).

Для нас приготовлен был великолепный обед в помещении бывшей русской учительской семинарии для арабов. (Таких семинарий в Палестине несколько, и содержались они на средства Русского Палестинского Общества. Теперь, за отсутствием средств, семинарии эти обращены в простые школы для арабских детей).

За обедом подавали бывшие воспитанники и воспитанницы семинарии.

Под вечер пошли обратно. У гробницы Рахили поджидали нас автомобили. —

Ездили также и в Горнюю, место Благовещения и рождения Ивана Крестителя. Это небольшая и очень живописная деревушка, утонувшая в зелени кипарисов и маслин. За деревней, по склону горы, — несколько христианских монастырей, среди которых и русский, куда мы и направились и откуда уже раздавался встречный перезвон колоколов. Монахини и весь церковный причт во главе со стареньким священником, вышли нам навстречу с иконами. Священник даже попытался произнести нечто вроде приветственной речи, но ничего из этого не получилось, так как он, с первых же слэв, расплакался...

В этом монастыре, повидимому, не все монахини знали, что мы хор, а потому и удивились немало, когда увидели, что мы, не останавливаясь, проследовали прямо на клирос (это — когда вошли в церковь).

Отслужили молебен. Монахини были в восторге от нашего пения. И ангелами небесными называли нас, и херувимами, и серафимами, и всякими другими лестными именами.

Осмотрев монастырь и вкусно закусив в трапезной, пошли осматривать соседний католический францисканский монастырь, в главной церкви которого, под престолом, имеется дощечка с надписью по-латыни: „Здесь родился Претеча Господень“.

Патриаршая служба.

Накануне Нового Года, вечером, пели за всенощной в русском соборе св. Троицы, находящейся возле Духовной Миссии. Весть о том, что мы поем в соборе, распространилась с быстротой молнии по городу, — и еще до начала службы собор был переполнен... Впрочем, нами остались недовольны: ставили в упрек то, что мы... мало спели (3-4 вещи; остальное пел маленький хор почти исключительно из одних монахинь). Полностью всю всенощную мы, к сожалению, не в состоянии были петь, т. к., во-первых, днем пропели целиком всю обедню на Елеоне, а во-вторых, нам предстояло еще петь в Храме Воскрес. Хр. во время ночной Патриаршей службы. После этой службы мы должны были причащаться. Поэтому случаю, вечером, мы поисповедывались в домовой церкви Духовной Миссии.

Часам к 11^{1/2}, ночи пришли в Храм Воскр., где, в ожидании Патриаршей службы, принуждены были выслушать греческую утреню, совершавшуюся в „Кафоликоне“ (Патриаршая же служба происходила потом у св. Гроба).

Те кто когда-нибудь слышал греческое пение, поймут меня. Лично я не понимаю одного: каким это образом, во время оно, послы Владимира Святого могли восхититься греческим пением до того, что назвали его... ангельским, небесным. Только два объяснения и могут быть: или послы сии понимали в пении столько же, сколько — свинья в апельсине; или же находились „под градусом“. Последнее предположение вполне возможно, если вспомнить, что к грекам послы явились от мусульман, вера которых пришлась им не по вкусу, главным образом, из-за вопроса о свинине и... вине. „Накачали“, может быть, их греки, как следует, — ну, и показалось все в ангельском, т. ск. виде...

Патриаршая „официальная“ служба совершается только три раза в год: на Пасху, на Троицу и на Новый год. Событие, как видите, редкое. К началу службы Храм наполнился до невозможности. Большинство публики явилось не ради нас, так как о нас еще мало знали, а для того, чтобы посмотреть на Патриарха и на весь церемониал.

Перед началом службы выяснились два неприятных для нас обстоятельства: во-первых, узнали, что с греческой стороны будет петь специально присланный Александр. Патр. Фотием хор „с прекрасным регентом“; во-вторых, после переговоров с этим регентом, на нашу долю выпало петь всего лишь первую часть „Херувимской“, „Отче Наш“ и запричастный „концерт“. Кроме того, греческий хор, состоящий из 10-ти человек устроен был на возвышенном месте, а нас заткнули куда-то в угол среди публики. Регент наш запротестовал. Все, особенно старшие кадеты, начали нервничать. В конце концов, после того, как регент чуть было не отказался петь, нам очистили место около самой „Кувуклии“.

С замиранием сердца ждали начала службы, чтобы услышать, наконец, греческий хор.

И слышали. И „воспрянули духом“. Повидимому, у греков считается, что чем больше завываний и истерических воплей, — тем лучше. Пел этот „знаменитый“ хор так: начинал регент, потом подхватывал какой-то сверхъестественно-визгливый мальчишеский альт; дальше вступал, на манер зарезанного поросенка, дискант и т. д.. Потом начиналось всеобщее завывание...

Мы с нетерпением ждали своей очереди. По уговору, первая вещь, которую наш хор должен был петь, была „Херувимская“, но, очевидно, произошло какое-то недоразумение, т. к. нам приказано было петь 1-й антифон.

Как только запели, вся публика повернулась в нашу сторону. Греческий регент как-то сразу весь осунулся. После этого хор его продолжал петь еле слышно, как бы в смущении. А в общем, когда грек оправился от первого впечатления, весь его вид как будто говорил:

— Мы, собственно говоря, тоже могли бы спеть хорошо, только вот... не желаем.

Потом, как-то так все вышло, что почти всю обедню пел наш хор. На долю греков пришлось всего лишь

несколько ектений. Они, впрочем, вздумали было почему-то начать Херувимскую, но патриарх приподнялся со своего сидения и громко... приказал им замолчать.

Публика совершенно перестала интересоваться и патриархом, и всей церемонией, а всецело занялась нами. Многие карабкались даже на колонны, чтобы лучше видеть. Когда же, в конце литургии, кадеты начали поочередно подходить к причастию, где-то, в самой гуще, произошла даже свалка. Причащал нас сам патриарх. (Говорят, что он впервые за 26 лет своего патриаршества, причащал простых мирян).

На Елеон нас провожала большая толпа.

Через день, т. е. 2-го января, мы пели обедню в Гефсимании у гроба Богоматери. Служба должна была начаться в 9 час. утра. Пришли, разумеется с опозданием. А наши поклонники (огромнейшая толпа) ждали нас с самого раннего утра. Некоторые явились даже в 5 час. утра, чтобы стать в очередь и попасть в церковь первыми. Церковь же эта — маленькая, — и половина публики не могла поместиться внутри.

Говорят, что привратнику — монаху давали даже взятки, чтобы только позволил „словчить“, т. е., попасть внутрь храма, не становясь в очередь.

Концерт.

С этого дня, большую часть времени мы проводили в спевках, готовясь к концерту, который должен был состоять из трех отделений: 1) духовные песнопения, 2) светские вещи, 3) казачьи песни. Только изредка ходили осматривать не осмотренные еще достопримечательности города. Посетили, например, „Малую Галилею“, где находится теперь летняя резиденция патриарха. Архимандрит этой обители угостил нас ликером и... рахат-лукумом. (Вифлеемский архимандрит тоже угостил нас ликером и рахат-лукумом). Дали также небольшой концерт в американском приюте для арабских детей и калек. Пели мы там в протестантской церкви. Эстрадой служило возвышение перед престолом. Пели не только светские вещи вообще, но и такие казачьи песни, как „Из-за леса, леса копий и мечей“. Со свистом, конечно. И хоть бы что. У них это допускается.

6-го января, (по ст. ст.) в день Крещения, распрощались с Елеоном и, забрав свои монетки, пошли в Духовную миссию. Вечером должен был состояться концерт в какой-то зале, которую так и не пришлось нам увидеть. Утром пели обедню в Троицком соборе. После обеда, отдохнув немного, начали помаленьку готовиться итти, на концерт: приводили в порядок ноты, прочищали глотки сырыми яйцами...

Но вот тут-то и произошла эта самая история, о которой я говорил в начале настоящего очерка.

За два часа до концерта, в 4 часа вечера, в помещении, где должен был состояться концерт, и где продавались билеты, ворвалась большая толпа русских евреев, вооруженных камнями, палками и, вероятно, также ножами и револьверами. Они потребовали немедленного очищения зала. Сорвали также вывешенный донской флаг. В общем, дело приняло такой оборот, что два кадета, продававшие билеты, покинули помещение и прибежали в Духовную Миссию, откуда мы, ничего не подозревая, собирались уже уходить. Кап. Крэгг немедленно сел в автомобиль и поехал к генерал-губернатору. Тот отказался вмешиваться в это дело. (Генерал-губерн. Иерусалима был в то время лорд Самуэль — сам еврей). Крэгг вернулся ни с чем и злой до скрежета зубового. Неподалеку от злополучного зала поставлено было несколько кадет, которые направляли всю публику к Троицкому Собору, где все должно было решиться. В конце концов, по возвращении Крэгга, начали поговаривать о том, чтобы дать концерт в соборе, ограничив исполнением духовных песнопений. Из зданий Духовной Миссии началась переноска стульев и скамеек.

Кадеты стояли группой на ступеньках у входа в Собор. Начальство строго-на-строго запретило нам вмешиваться во что бы то ни было. А это „что бы то ни было“ незамедлительно совершится. Да еще как!

К кадетам подошел один ничего не знавший о случившемся араб и спросил по-русски, в чем дело. Один из кадет ответил:

— Да вог евреи не разрешают давать концерт в зале...

Араб завопил:

— Как!! Евреи?! Не разрешают?! Вам?!!

Влево от нас, здесь, же, у ступеней собора стояла большая толпа „наших“. От нее отделился один из жожаков и, обращаясь к арабу, сказал:

— А ви знаете, почему?

— Почему?

— А потому, что они же наших миллионами резали...

Они же — банда!

Надо полагать, что такой ответ сильно не понравился арабу, т. к. иначе — зачем бы ему понадобилось крикнуть благим матом „ах ты, жидовская морда“ и с страшной силой ударить еврея стэком по переносице!

Поднялся страшный гвалт. Кто-то крикнул: „не бей!“ Это оказалось достаточным, чтобы произошла всеобщая свалка. Пошли в ход зонтики, палки. Вся публика и, главным образом, арабы, ринулись на евреев. Последние очень хорошо сделали, обратясь в немедленное бегство, иначе, я не знаю, что бы от них осталось.

Кадеты не принимали никакого участия в изгнании евреев. Английские солдаты, преспокойно игравшие поблизости в футбол, тоже не вмешивались в дело. А полиция явилась только тогда, когда на площади не было уже ни одного еврея и когда человек двадцать из купивших билеты на концерт взяли на себя наружную охрану собора во время концерта.

Мне кажется, что в этот день ряды анти-семитов сильно пополнились.

Забыл сказать, что в самый разгар свалки на площадь влетел на белом скакуне бедуин. К нему подбежал один из арабов и что-то сказал ему на ухо, после чего бедуин улетел так же быстро, как и прилетел...

О концерте не буду распространяться. Сами понимаете, что тогда не до концерта было ни нам, ни публике.

После концерта нас пригласил на чашку чая представитель У. М. С. А. В бараке, занимаемом этим учреждением, мы, после чая, спели несколько светских вещей для последовавшей за нами публики. Нам была устроена овация.

В 10 час. вечера в Духовной Миссии устроен был прощальный ужин.

На следующий день, рано утром, отправились на вокзал. С колокольни Троицкого собора раздался перезвон. С Елеона ответили таким же перезвоном.

В 6 час. утра 7-го января выехали из Иерусалима, а в 9 час. вечера были уже в Измаилии, в лагере, где ожидали нас: серая неприглядность палаток, занятия, наряды „вне очереди“ и прочие прелести.

Говорят, что после нашего отъезда арабы учинили небольшую резню евреев. Какая то газета обвинила во всем наш хор. Другие газеты вступились за нас, утверждая, что приезд де донских кадет явился попросту очередным благоприятным предложением для сведения вечно старых счетов между арабами и евреями, а что сами де донские кадеты вели себя безупречно.

Нужно сказать, что, действительно, между арабами и евреями идет все время кровавая борьба. (Кровь, в большинстве случаев, еврейская).

Рассказывают следующее.

На христианскую Пасху арабы режут евреев за то, что последние устраивают в этот день всякие пакости (бросают, например, в церковь галлоны, наполненные зловонным газом).

На еврейскую Пасху арабы опять-таки режут евреев, но на этот раз потому, что ведь и арабам, черт возьми, хочется сделать евреям какую нибудь гадость в день их Пасхи!

В 1921 году, по окончании Корпуса, 6 кадет-хористов приглашались Духовн. Миссией в Иерусалим, как певчие, но после некоторых переговоров, так ничего из этого и не вышло.

На этом я и закончу свой очерк о поездке донских кадет в Палестину.

Ив. Егоров.

За океан...

24 мая в Париже, на Rue Daru, в русской церкви был отслужен напутственный молебен для Кубанской станицы, отправляющейся в Ю. Америку, в Перу. Из Франции едет сто человек, которые должны соединиться в Марселе с другой сотней, выезжающей из Сербии. Во главе станицы стоит А. М. Лысенко, много лет бывший Атаманом станицы Пашковской, на Кубани. Он же является инициатором и организатором переселения.

Дело это тянулось три года, пока не пришло к благополучному концу, и проведено не через Лигу Наций, не через русские организации или Войсковых атаманов, а в порядке частной инициативы, на месте — в Перу, уполномоченным „Кубанского Сокола“ в Париже.

В общих чертах дело представляется в таком виде. Решено принять к поселению в Перу 2000 человек казаков по частям: первый год 200 человек, второй — 400 и т. д. Пункт расселения избран на восточных склонах Анд, на высоте 800—1400 метров над уровнем моря, недалеко от железной дороги и около большой реки, шириною в три раза более Кубани.

Хотя эта местность находится в подтропической зоне, но климат там умеренный — „Климат Кавказа“, по характеристике уполномоченного, и очень здоровый. Почва плодородная — половина под лесом, половина свободна от него. Условия пригодны для культур технических растений и хлебных злаков. В реке рыба — сом, сазан.

На каждую семью дается бесплатно 30 гектаров земли, на холостого 10. В случае жениббы, прирезают остальные 20 гектаров.

Перуанское Правительство строит церковь и школу, дает в виде долгосрочной ссуды некоторый инвентарь и средства для прокормления до нового урожая — в течение шести месяцев.

Чтобы дать возможность переселенцам зарабатывать средства для укрепления своего хозяйства, правительство строит для нужд станицы шоссе, с платой рабочему переселенцу от 50 до 100 франков в день.

Казакам предоставлено право, организовать свой быт и общественное самоуправление по их обычаям и законам.

Перевозятся переселенцы заботами Перуанского Правительства.

Французская часть казаков выезжает из Парижа 29 мая и, соединившись в Марселе с партией из Сербии, садится на пароход 30 мая.

Прекрасное впечатление производит организованность переселенцев. Они едут с Атаманом во главе, со своим священником, врачом и педагогическим персоналом (бывший директор гимназии) и с готовым хором. Везут Кубанское знамя и иконы.

В состав Кубанской станицы входят казаки всех войск, есть часть и иногородних.

Нельзя не отметить, что организованное движение за океан Кубанской станицы — явление первое в этом роде, явление не только интересное, но и многозначительное.

С самых первых наших шагов за границей у казаков определенно и подчеркнуто выявилось стремление к моральному и физическому самосохранению путем организованной борьбы за жизнь. Появились станицы и хутора. Но в условиях европейской жизни, в условиях фабричного труда такие организации мало достигали своей цели. Кроме того, фабричный или батрацкий труд не дает абсолютно никаких возможностей выбиться на путь независимого существования. Перспектива до смерти остаться батраком или придатком фабричной машины, увядшие надежды на „весенние походы“ заставили казаков искать пути к более прочному самоустойству на основах независимого распоряжения своим трудом.

Единственным средством в этом направлении им представляется труд на земле, труд привычный и гарантирующий независимость.

Манили страны Ю. Америки, с их богатой природой и бесконечным простором.

Было много попыток со стороны и казачьих и российских групп использовать эти возможности, но, к со-

жалению, методы, практиковавшиеся группами, не дали желанных результатов. Все хлопоты шли через Лигу Наций, т. е. собственно через Верховный Комиссариат при ней. Ждали „движения воды“ четыре-пять лет.

Еще четыре года тому назад была послана Лигой Наций комиссия во главе с полковником Проктором и с участием русского агронома г. Брунста — для изучения возможностей устройства эмигрантов в Ю. Америке.

Результатом поездки был рапорт Комиссии с оптимистическими выводами.

Было устроено и представительство Лиги Наций в Буэнос-Айресе для всей Ю. Америки.

А затем группам желающих эмигрировать посыпались через Верховный Комиссариат от разных предпринимателей предложения явно кабального характера.

После многих лет хлопот и ожиданий теперь можно определенно сказать, что никаких надежд в этом духе на Лигу наций возлагать нельзя.

Из Аргентины от близкого нам лица, состоявшего в одной из групп и уехавшего впоследствии одиночным порядком, мы имеем сведения, что тамошнее представительство Лиги Наций абсолютно ни одного эмигранта в Ю. Америке не устроило.

Мы заручились обещанием руководителей Кубанской станицы держать нас в курсе относительно судьбы этой организации таким образом, чтобы мы могли следить шаг за шагом за ее жизнью, успехами и разочарованиями.

Мы полагаем, что Кубанская станица составленная из людей, прошедших через тяжкие эмигрантские испытания, закаленная в борьбе в условиях европейской толчеи, имеет все шансы на успех. Все зависит от климатических и почвенных условий.

Во всяком разе, опыт Кубанцев даст нам ценные указания и, может быть, откроет, новый путь к выходу из нашего рабского, подневольного положения к новой свободной жизни. А разстояние, на случай возвращения домой при нынешней технике сообщений, не играет роли — были бы деньги.

Дядя Добрый.

Донской казачий хор Платова в Софии.

9 мая 1929 г. в Софию прибыл донской казачий хор Платова.

Хором были даны три концерта 10, 11 и 12 мая, билеты на которые были распроданы за две недели вперед.

Был дан один концерт в пользу казаков студентов. Обширный зал Свободного Университета, который вмещает в себе около тысячи с лишним человек, все концерты были переполнены самой разнообразной публикой.

Появление на сцене хора, в белых гимнастерках, синих с красными лампасами шароварах и затянутых

кавказского образца поясах, вызывал целую бурю аплодисментов у публики.

Не один раз, увлеченная стройным и красивым пением казачьих песен, публика вызывала хор на бис.

Особое впечатление на публику производили казачьи танцы. При танцах, от грома аплодисментов и криков „браво, бис“, в зале подымался неопишумый шум.

По окончании концерта, при выходе из театра, от Болгар только и можно было слышать, „Ну! казаците, като на дружине. Много, много хубово пеят, ама хубово танцуват“ и т. д.

В общем самые хорошие отзывы.

При отъезде из Софии хора, в Болгарской газете „Зара“ была напечатана статья, посвященная хору. Статья испещрена самыми лестными отзывами.

В Софии, после своего отъезда, хор оставил самые хорошие и приятные воспоминания о себе не только как о хоре, но и как о казаках и в казачьей среде и в болгарском обществе.

Казачьи хоры и джигиты, есть гордость казачества, ибо они славно и умело прославляют по всему миру славное имя казака.

19 мая Правление Софийской казачьей станицы, по случаю отъезда хора Платова из Софии, устроило казачью танцевальную вечеринку.

Около двадцати человек хористов, во главе с диригентом г. Кострюковым, были гостями станицы.

От имени казаков Софийской казачьей станицы Зам. Станичного Атамана К. В. Поляковым и писарем правления П. В. Нос, хору был преподнесен адрес художественной работы, а от имени дам станицы, М-м Полякова преподнесла хору роскошный букет живых цветов.

Вечеринка продолжалась до 4 часов утра.

21 мая Итальянский уполномоченный министр в Болгарии устроил вечеринку в итальянской легации, на которой пел донской казачий хор Платова, а 22-го рано утром хор покинул столицу Болгарии.

(Соб. кор.)

В Братиславе.

31. V. 1929 был вручен диплом „Доктора всех медицинских наук“ казаку-кубанцу Чащевому Конст. Ефимовичу, последнему (разумеется не по успехам) абсолюенту из 1-ой группы казаков-студ. Т. обр. в настоящем учебном году окончили Братиславский Университет по медицинскому факультету нижеслед. казаки и уроженцы Каз. Войск: донцы: 1) Греков Б. А. 2) Желдаков С. А.; кубанцы: 1) Донецкий В. А., 2) Зиньковский С. Е. 3) Ковалев В. Е., 4) Кузичкин Д. М. 5) Максимов Д. И. 6) Сеин Г. А. и 7) Чащевой К. Е.

В Казачьих Землях.

† Полковник Степан Егорович Калугин.

Погиб от рук палачей и еще один дебелый Кубанский Казачина — Командир 1-го Кавказского полка — ветеран полка. Коротким письмом уведомляют, что „случилось новое несчастье: — на Пасху, на пасеке, неизвестно кем, изрезан Степан Егорович... Прямо таки исказнили его... человек, ради куска хлеба нанялся быть пасечником и вот... убили. А до этого, ради того же куска „хлеба — он стерег коров по канавам“...

И это — бывший Командир Казачьего полка. Какова судьба!.. Можно-ли придумать горше, трагичнее?..

Казак ст. Ладожской, он, по окончании Ставропольского юнкерского училища вышел подхорунжим в 1-й Кавказский полк, где и прослужил всю свою военную службу, дослужившись до чина полковника, и командира этого же полка. Женившись на казачке станицы Дмитриевской Θεодосии Игнатьевне Копаневой, пребы-

вая и на льготе в этой станице — он всем своим существом стал „Кавказцем“, как все мы его и считали.

В 1912 году он окончил в Петрограде на казачьем отделе курсы Кавалерийской школы и вернулся в свою 4-ю сотню на пограничный пост с Афганистаном, в свой „Пуль-и-Хагум“.

Узенький ручеек делал границу двух смежных государств. На той стороне — персидская деревушка, а на русской — казарма для сотни и офицеров. Это и все. Никакого другого жилья, ни единого постороннего лица — только казаки, да жена командира сотни — добрая, умная и сердечная Θεодосия Игнатьевна.

Вот в такой обстановке Степан Егорович пробыв командиром сотни несколько лет до мировой войны, заслужив от казаков в самом хорошем смысле слова прозвище „отца-командира“.

В 1914 году он был маститым есаулом, рослый и дебелый, с черной подстриженной бородкою с сединою,

всегда в светло-серой черкеске, всегда аккуратно одетый, будь то даже туркестанская жара в 50 градусов.

Он был примерным и серьезным офицером в полку, весьма и весьма патриархальным и верующим и удивительно нежным и заботливым и мужем и отцом. Он имел трех сыновей-подростков, учившихся во Владикавказском Кадетском Корпусе.

Вось мир его был — полк и семья. Мы, молодежь, да, простит нас дорогой покойник-мученик, даже подтрунивали над ним за это, за глаза. На войну он выступил во главе своей 4-й сотни, состоявшей из казаков Тихорецкой и Дмитриевской станиц, и в первом же бою против турок, перед Баязетом, проявил себя с хорошей стороны.

Бесконечные походы по Турции, бои с курдами, нудное зимнее сидение в землянках... В 1916-м году он был произведен в Войсковые Старшины и по отъезде из полка полковника Мистулова — вступил во вр. командование полком.

Это его в Сарыкамыше, в первые дни революции, растерявшиеся казаки не отстояли перед солдатской массой... И это его же, те же казаки, в Финляндии, после большевицкого переворота вновь пригласили на пост командира полка, когда законный командир полковник Георгий Яковлевич Косинов, по болезни выехал в Екатеринбург.

Как все изменчиво в жизни и как все непрочное.

В противобольшевицкой войне, под Царицыном он вновь командовал 1-м Кавказским полком, в бою потерял глаз и вышел в Тыл. В Сочи он остался с Армиею, прошел этапы тюремного заключения до Екатеринбурга включительно и там, по освобождению, как и многие другие — был назначен на службу в отдел народного образования. Я помню эту характерную казачью фигуру и там, в плену всегда в своей серой папахе, в кашемировом черном бешмете, в мягких кавказских („ханкинды“) сапогах, в казачьем полубубке, с перевязанным глазом, но уже с истощенным и надорванным организмом, с каким то богобоязненным примирением несшим ляжку казачьих страданий и неволи...

Потом узнал, что он, по старости, отпущен в свою Дмитриевскую станицу, и с Феодосией Игнатьевной занимаются огородничеством, весьма нуждаются... Но я знал, что им вдвоем всегда легко, т. к. они так дорожили друг другом, они были всегда так нежны и предупредительны друг к другу, что все постороннее, будь то хоть рай земной рядом — все то было у них на втором месте.

Потом узнал, что Феодосия Игнатьевна умерла... Это была невозвратная утеря для Степана Егоровича. Писали, что он стал плошать... И вот — заделался пастухом, а потом... пасечником... И потом — погиб, погиб кошмарною смертью — изрезан, „искажен“ ночью неизвестными на пасеке же...

Какова судьба!.. Какой ужас!..

Умерла жена и средний сын, младший где-то в России, старший в прошлом году в Праге окончил университет, теперь в Франции...

И так — вся семья распылена, умерла... Не дождался старый казачина покоя хотя бы к старости, ласк и внимания своих детей...

Командир полка и ветеран полка... и — ради куска хлеба — пастух... потом пасечник... зарезан... „искажен“...

Что только он переживал в эти последние и жуткие моменты своей земной жизни?!..

И это судьба казачьего командира-казака на своей же кровной Казачьей Земле, в своей же родной станице после 35-ти летней верной и непорочной военной службы...

Слышите-ли вы, все мои друзья и казаки?!..

17. V. 29.

Козак Бидолага.

Путешественники - иностранцы о Казачьих Землях.

В многочисленных томах „путешествий по СССР“, в таком изобилии появляющихся в последние годы на мировом книжном рынке, с трудом можно найти стра-

ницу, другую, посвященную описанию того, что выходит за пределы городской черты Москвы и купэ спального вагона, в котором авторы этих путешествий совершали свою поездку aller и retour от советской границы до Москвы.

В последнее время большевики начали катать приезжающих к ним „знатных иностранцев“ в скорых поездах из Москвы через Ростов в Баку, а оттуда через Тифлис в Батум. Иногда для разнообразия Баку отменяется и автомобиль мчит советских гостей из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге в Тифлис.

Весьма неблагоприятным занятием является отыскание упоминаний об Украине, Казачьих Землях и Кавказе в этой литературе. После расширения программы, путешествий, когда путь следования заморских гостей стал проходить через Украину, Казачьи Земли и Кавказ — эти страны начали уже выступать на страницах „Путешествий“; правда на сто-двести страниц, посвященных Москве, приходится лишь две-три страницы, и то преимущественно „железнодорожных“ о всем пути Ростов—Баку—Батум или Ростов—Владикавказ—Тифлис—Батум.

Одной из весьма немногочисленных, если не единственной, книг иностранных авторов, мельком упоминающих о Казачьих Землях является книга французского литератора Фабр-Люса „Россия 1927“ (изд. Бэрнар Грассэ, Париж, 1928).

Он посвятил несколько довольно ярких, при всей своей поверхностности, страниц описанию своих впечатлений о Минеральных водах—Вотони:

„Кисловодск. Тут, после долгого перерыва можно, наконец, наблюдать большевицкий режим с его смешной стороны. „Пролетарии всех стран объединитесь!“ Можно улыбнуться увидавши эту надпись в виде цветов на лужайках городского сада. Можно с презрением пристально посмотреть на коммуниста нарядившагося в казачий костюм для того, чтобы сфотографироваться на фоне фальшивых декораций из снежных холмов и каскадов ручьев. Можно расчувствоваться при виде чекистских палачей, встречая их растянувшимися на солнце, полуобнаженных, на всех прилегающих к Эльбрусу меньших вершинах, где они ищут успокаивающих нервы минеральных вод.

Можно говорить с лучшим другом, не заводя его для этого слишком далеко от города, где нет никого. Нет больше шпионов — или по крайней мере все окружающие вас шпионы находятся в отпуску. Кажется, что эта праздная толпа дышет свободно. Террор испарился под лучами солнца“.

„В л а д и к а в к а з. Чтобы проехать 250 километров, отделяющих Кисловодск от Владикавказа нужно затратить более чем двенадцать часов на путешествие в вагоне третьего класса, с вынужденным арестом в буфете маленького вокзала, где вас запирают на ключ от полночи до двух часов утра. Тут я нахожусь в неожиданной близости с людьми всех климатов и всех возрастов, которые, чтоб не заснуть, ищут тем для общего разговора. Один из моих соседей облечен в священнический головной убор; другой, одетый в подобие гимнастерки, на пуговицах которой изображение льва. Прозрачные блузки специально для тропической жары, насмеваются над толстыми шубами, могущими пренебречь зимой. Вооруженные казаки робко смотрят на агентов ГПУ в гражданском и без оружия. Какую страну создать из этих противоречивых внешностей? Состояния, как и костюмы, тут разнообразны. Я вижу взволнованных, отчаявшихся, бесстрастных, чьи взгляды все же полны безумного огня. Вокруг столов, где накрыт чай, эти проезжие рассказывают друг другу свою жизнь, и с их страшных лиц исходит очень приятный шопот. Затем их охватывает сон одного за другим и они застывают в случайных позах разговора“.

Путешествовавший вместе с Фабр-Люсом его друг Бэкле издал книгу „Русские пейзажи и города“, в своей части, касающейся пробега Ростов-Тифлис-Баку, совершенно не заслуживающей внимания.

В книге бывшего немецкого министра, теперь лишь депутата демократической партии Эриха Коха „Сегодняшняя Россия. Путевой дневник политика“. Издат. Рейснер. Дрезден. 1928 (Erich Koch-Weser. „Russland von

Heute. Das Reisetagebuch eines politikers⁴⁾ вышедшей в конце прошлого года, помещены в конце три письма его сына несколько месяцев прослужившего на крупновской концессии на Кубани. В этих письмах очень много говорится о работе на концессии, и нет ничего об окружающем концессию казачьем мире. Ниже подаем выдержки из этих писем: „Поезд катится по мосту через Дон; за нами остался растянувшийся вдоль берега Ростов; перед нами равнина; река разлилась и не разберешь, где залитые водою дуга, где русло реки и где море? Степь сменяется возделанной землей. Несмотря на жару, люди в полях носят большие меховые шапки. Перед сверкающим летним ковром цветов чудесная картина: два громадных верблюда большими шагами тянут маленькую повозку, в которой хлебороб с семьей едут на полевую работу. Кавказская. Автомобиль концессии ждет на вокзале. Широчайшие станичные улицы покрыты лужами и грязью; только что был большой дождь. Авто глубоко погружается в воду и ил, но маленькая фордовская машина энергично вытягивает нас из грязи. В каждой станице со всех сторон из под колес на нас летит грязь из станичных луж. Потом снова степь; дорог нет; каждый, так, как нравится ему или его коню, прокладывает новый путь в раздольной травяной степи. Такой оригинальной поездки на автомобиле мне еще не пришлось совершать. Наконец, мы приблизились к границам концессии и вскоре нас приветствует доктор Д., директор концессии, в дверях быв. помещичьего дома. Кончилось далекое путешествие.

Господин и г-жа Д., и доктор Фр., ветеринар, поехали в авто на концессию Круппа. Мне поручили присматривать за домом доктора Д. Собаки лают по причинам, известным только им и я мирно кладу на бок револьвер и карманный фонарь и снова покрываюсь противомоскитной сеткою. — Сегодня утром при одевании я внезапно услышал поразительно резкие шаги в коридоре; потом в двери просунулась толстая голова бугаянка; я еще не вполне был одет и он скромно скрылся и последовал в соседнюю пустую комнату.

Концессия расположена в плодороднейшей черноземной области между Каспийским и Черным морями. В этой стране уже перебивали Греки, Римляне и Карфагеняне; здесь жили Скифы и Остготы; еще по нынешний день напоминают могилы гуннов — безчисленные холмы на плоской равнине — о временах, когда Аттила с азиатскими полчищами всадников мчался на Запад; тут проносились тяжело окованные крестоносцы через жаркие степи ко Гробу Господню; здесь гремели в прошлом столетии бесконечные пограничные битвы черкесов и казаков. Начиная с шестидесятих годов здесь хозяйничали овцеводы. Потом пришла революция и гражданская война с повстанничеством и голодом и разорила большие поместья овцеводов. Собственники либо удалились за границу, либо живут здесь: занимая низшее общественное положение.

Концессия занимает просторы шести таких старых поместий. В одной из помещичьих усадеб — канцелярия концессии, в другой — машины, в третьей — молодой скот и т. д.

В номере 2, главном хозяйственном дворе, увидите картину необычную для взора из Германии приехавшего сельского хозяина. Повсюду слоняются не занятые работой люди. Кони стоят в тени деревьев. Казаки, крестьяне и немецкие колонисты, мужчины, женщины и девушки сидят где попало или лежат на земле. Они ждут, пока для них найдется работа. В Германии ежедневное распределение работы определяется наличностью работающих людей и лошадей. Здесь принимают

на работу столько людей и упряжи, сколько требуется для исполнения данной работы; и их можно уволить в любой момент.

Революция уменьшила, но не уничтожила земельный голод. Обессиленная промышленность пока не особенно нуждается в рабочих. Хлеборобу не приходится рассчитывать на возможность прожить в городе.

Кроме земельного голода, его угнетают прямые и косвенные налоги: нечего удивляться, что ему приходится отправляться на поиски работы. Заключается договор с небольшой группой рабочих. Люди отправляются работать на указанный им участок. Там они располагаются лагерем и живут, пока длится работа, — в стогах соломы, на своих повозках или под примитивными палатками.

Навстречу под'езжающему на лошади выбегают с лаем собаки; тощие лошадки пасутся недалеко; две женщины на огне варят обед, рабочие везут молот, хлеб, другие находятся при машине. В перерывах девки усаживаются на машине и занимаются косметикой; толстый слой белил должен покрывать лицо, очевидно для защиты от солнечных лучей; белоснежный цвет лица, повидимому, считается здесь красивым.

Однажды мне пришлось выехать для присмотра за работой в два часа ночи. Надо мной сверкали звезды. Около трех часов восток начал краснеть; взошло солнце. Вдали слышен был слабый стук; трактористы приступили к работе. Двадцать фордзоновских тракторов ползли через поле. Ими управляют местные, не прошедшие авто-школы рабочие. Свои моторы они содержат в блестящем порядке — в концессии они изучили управление тракторами в кратчайший срок. Доктор Д. находит, что по способностям и одаренности кубанские рабочие превосходят восточно-прусских. Парни работают, как сумасшедшие — работа акордная; они хотят заработать и должны заработать, т. к. на зиму их рассчитают, а зимой заработка не найдешь. Большинство из них одето лишь в купальные плавки; работая в одуряющей жаре, они загорели до черна. Между ними находится три русских немца. Один из них происходит из меннонитской колонии в Таврии. Его родители в сентябре или октябре прошлого года вместе со всем селом переселились в Канаду. Этот рабочий был тогда еще военнообязанным, теперь он уже свободен, но никак не удается ему выхлопотать заграничный паспорт. Как только он его получит — отправится в путь. В свободное время он уже изучает английский язык.

Меннонит из Таврии сидит передо мною и рассказывает о временах гражданской войны.

Его отец был собственником большого уединенно стоящего крестьянского двора. В 1917 г. банды напали на него и грабили его трижды, наконец, их всех угрожали зарезать, если они добровольно не удалятся со своего двора.

Тракториста Е. огорчает теперь, если другие трактористы убьют зайца, а прежде военно-полевые расправы были для него обыденным зрелищем. Собственная и чужая жизнь тогда ни во что не ставилась; теперь большинство из них еле-еле могут понять свои представления того времени.

Хоть молодой Кох и не дает ничего о жизни казачей, оставшейся, очевидно, за пределами его зрения, но зато можно представить себе на основании его писем „как живет и работает“ на Казачьих Землях концессия Круппа.

М. М.

С 1-го будущего июля адрес редакции журнала „В. К.“ будет новый:

Praha-Vinohrady, Orlická 8.

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл.,
 в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других
 странах — 15 ам. ц.

